

Иероглиф смерти

Автор:

Евгения Грановская

Иероглиф смерти

Евгения Грановская

Антон Грановский

Маша Любимова и Глеб Корсак. Следствие ведут профессионалы #2

Следователь Маша Любимова ко многому привыкла, но место этого преступления заставило ее ужаснуться. Сотворить такое с девушкой мог только сумасшедший! Стремясь расшифровать знаки, оставленные убийцей, Маша узнала легенду о жутком обычае древних китайцев – если бедный человек не мог отомстить своему обидчику, он совершал самоубийство на пороге его дома и обращался в дух мщения...

Журналист Глеб Корсак привык получать странные письма и посылки. Но бумажный сверток без подписи привлек его особенное внимание, а содержимое просто повергло в шок. Он счел бы все глупой шуткой, если бы вскоре не обнаружил в почтовом ящике новый «подарок»... Поняв, что неведомый преступник сделал его партнером своей жуткой игры, Глеб обратился в полицию и выяснил: некто жестоко убил двух девушек и, похоже, на этом не остановится...

Евгения и Антон Грановские

Иероглиф смерти

Глава 1

1

Зима в этом году наступила раньше обычного. Утром метеослужба заверяла, что к полудню выпавший вдруг посреди ноября снег растает, но этого не случилось.

Когда белый «Мерседес» остановился в безлюдном переулке, было уже девять часов вечера, а снег лежал таким же сплошным слоем, как и утром. И хотя по сравнению со вчерашним днем несколько не похолодало, белое полотно, покрывавшее тротуар и так непривычно контрастировавшее с темными домами, создавало ощущение зимнего студеного холода.

Ира Романенко посмотрела на парня, сидевшего за рулем, и спросила:

– Почему мы остановились?

Тот, не отвечая, достал из бардачка стеклянную фляжку с коньяком.

– Выпьем по глотку?

– Ты за рулем.

– От одного глотка ничего не случится. – Андрей Голубев улыбнулся. – Давай, прими как лекарство!

Снег за окном был таким холодным, а зима впереди – такой долгой, что Ира не удержалась, взяла бутылку и отпила глоток. Коньяк горячей волной пробежал по пищеводу. Телу стало жарко, но темная улица снаружи стала еще холодней и бесприютней. Черт бы побрал эту утомительную, как хроническая болезнь, московскую зиму – мокрую, пасмурную, промозглую.

Андрей забрал у Иры бутылку и приложился сам. Пока он пил, она смотрела, как размеренно дергается его острый кадык, поросший легкой элегантной щетиной. Хотя что в ней элегантного?

Этот парень воображал себя великим художником, а на деле был обычным бездарем, которому повезло попасть «в струю».

Настроение у Иры продолжало портиться. Андрей отнял бутылку ото рта и вытер мокрые губы ладонью.

– Хороший коньяк, – резюмировал он.

– Если тебя остановит гаишник...

– Не волнуйся, отмажусь. – Он усмехнулся и небрежно хлопнул себя ладонью по внутреннему карману пиджака, в котором, как она знала, лежал бумажник, и в этом жесте было столько глупого самодовольства, что Ире стало и смешно, и противно одновременно.

«Противно». Пожалуй, это чувство появилось не впервые за сегодняшний вечер. Он был симпатичный парень, этот Андрей Голубев, но, пообщавшись с ним неделю, Ира отчетливо поняла, что продолжать отношения, а уж тем более доводить их до постели, ей не следует. Да, для настоящих отношений он не годится. Так же, как те, кто был до него. Терпелив? Да. Но этим его достоинства ограничивались.

Отпив еще глоток коньяка, Ира подумала, что, пожалуй, и дружеским отношениям пора положить конец. Слишком уж он нудный, хоть и при деньгах.

Андрей, однако, был настроен иначе. Ира понимала это, но не испытывала особого беспокойства. Даже под хмельком, даже после недели тщетных надежд и обещаний, которыми она его кормила, на насильника Голубев все равно не тянул. Кроме того, сегодня она пару раз уже давала ему понять, что не в восторге от их общения. Он, конечно, тугодум и может не понимать намеков, но наверняка уже чувствует, что что-то не так.

Голубев закрутил бутылку и, продолжая держать ее в руке, вдруг полез целоваться. Он застал Иру врасплох, и она не успела отпрянуть.

Продолжая целовать ее губы, Андрей сунул руку ей под кофточку, пробрался под лифчик и стиснул ее грудь. Рука у Голубева была холодная, и от прикосновения его пальцев к ее коже Ира вздрогнула. И щетина, эта вечная щетина на его щеках. Зброшенное лицо, брошенная улица, брошенный город...

Он продолжал ее целовать, но словно сам стал зимой. Скучной, долгой, серой. И вдруг Ире стало тоскливо. Захотелось домой – в тепло, уют, подальше от этих холодных рук и белого снега за окном, придававшего безлюдной улице какой-то неживой вид.

– Нет! – сказала Ира, схватила его руку и выдернула из-под своей кофточки. Словно стоп-кран дернула.

– Что? – не понял Андрей.

– Я не хочу.

На небритом лице Голубева отобразилось недоумение.

– Издеваешься? У меня уже встал!

– Пусть снова ляжет, сегодня ему ничего не светит.

Андрей пару секунд тупо на нее смотрел, потом усмехнулся и снова полез целоваться.

– Я сказала – нет! – Ира резко оттолкнула его.

На этот раз лицо Андрея стало недоуменным и обиженным.

– Ты же говорила, что сегодня дашь. Отвечай за базар!

Губы Иры презрительно скривились.

- Придурок. Ты сам-то себя слышишь?

Поняв, что переборщил, Андрей примирительно улыбнулся.

- Малышка, давай не будем ссориться. Я от тебя без ума, ты же знаешь. У тебя нет настроения – я понимаю. Нет так нет. Один поцелуй в знак примирения, и я отстану. Ну?

Не дождавшись ответа, он снова запустил руку ей под кофточку. Ирину передернуло, как от удара током.

- Отвали от меня! – холодно бросила она.

Но он не думал отступать. Внезапно Ира поняла, что Андрей ей омерзителен. И еще – что, пока она в машине, он не прекратит свои попытки, и даже наоборот – усилит натиск, для него это теперь вопрос чести. Мужской чести.

- Открой дверь, я выйду! – резко сказала Ира.

Андрей не отреагировал, тогда она протянула руку к панели и сама отщелкнула кнопку центральной блокировки. Затем открыла дверцу и опустила ногу на асфальт, но Андрей схватил ее за рукав куртки и выпалил:

- Куда ты пойдешь? На улице темно и холодно!

- Доеду домой на метро.

- До метро отсюда минут двадцать пешком!

- Лучше пешком, чем с таким гадом, как ты.

Этого он не ожидал. Пальцы, державшие рукав куртки, разжались сами собой. Уязвленное мужское самолюбие.

– Ладно, нет проблем. Хочешь идти – иди.

Ира взглянула на побагровевшее лицо Андрея. Через несколько секунд чувство обиды превратится в ярость. Нужно спешить. И она быстро выбралась из салона.

Лицо ее обдал ледяной, мокрый ветер – будто в прорубь прыгнула. Ничего, успокоила она себя, метро не так уж далеко. И, если повезет, через полчаса она будет дома. Ира видела ярко освещенный «колпак» метро, когда они проезжали мимо него на машине, и знала, где он находится.

Подняв воротник куртки, она бодро зашагала по тускло освещенной улице. «Мерседес» двинулся с места и покатил следом. Когда автомобиль поравнялся с Ирой, Андрей высунул руку из окна и схватил ее за запястье.

– погоди!

Ирина яростно стряхнула его руку:

– Я сказала: отстань от меня!

– Ладно. Как скажешь. – Физиономия его исказилась от натужной усмешки. – Не такая уж ты и красавица.

Он прибавил скорость, но Ира успела услышать злобно брошенное:

– Сука.

«Мерседес» скрылся за углом.

Ира сразу почувствовала себя одинокой. Вечер был холодный и темный. Фонари светили через один. Стал падать снег, а может быть, падал раньше, но Ира не сразу это заметила.

Подняв воротник куртки, она быстро шла к метро. Путь проходил через небольшой сквер. Едва Ирина ступила на асфальтовую дорожку аллеи, как ей показалось, что она слышит легкий шум чьих-то шагов. Ира остановилась и прислушалась. Нет, ничего. Должно быть, нервы расшалились. Она пошла

дальше.

Странный звук повторился. На этот раз шум шагов звучал отчетливо – словно кто-то семенил по асфальту быстрой и легкой, как у ребенка, поступью.

Ира не хотела оборачиваться, но нервы сдали, и она обернулась. По коже ее пробежал мороз, когда она увидела за спиной собаку. Это был большой белый зверь, словно вобравший в себя сумеречную, недобрую белизну первого промозглого снега. Пес остановился в нескольких шагах от Ирины и угрожающе зарычал. Белые клыки зловеще замерцали в полумраке.

«Главное – не бежать!» – сказала себе Ирина.

Она отвернулась и продолжила путь. Через несколько шагов легкий шум за спиной стих. Ира снова обернулась. Зверь больше не преследовал ее. Приободрившись, она ускорила шаг, но тут дорогу ей преградила светлая фигура, и Ирина остановилась как вкопанная. Человек стоял спиной к горящему фонарю, благодаря чему очертания его фигуры были окаймлены призрачной аурой света, а черт лица было не разобрать.

Ирина оцепенела, но спустя пару секунд сумела собрать волю в кулак, быстро сунула руку в сумочку и достала газовый баллончик.

– Не подходите! – крикнула она. – Это газ!

Фигура не шевелилась. Тогда Ирина повернулась и бегом бросилась к освещенной улице, стараясь побыстрее миновать аллеи сквера.

Краем зрения она уловила какое-то быстрое движение справа от себя, а потом увидела, словно в замедленном кино, как из тьмы вынырнула белая собачья голова с оскаленной пастью и как сверкнувшие зубы пса сжались на ее запястье. Боль пронзила руку, Ира закричала и выронила баллончик.

– Помогите! – успела крикнуть она, сию секунду вырвать руку из собачьих клыков.

Клыки разжались, но в тот же миг что-то сильно ударило Иру по затылку, и она поняла, что лежит на асфальте – лицом вниз. А потом кто-то надел на нее и

вдавил ее лицо в асфальт с такой силой, что у Иры хрустнула переносица. Хрипя и хватая воздух открытым ртом, Ирина вдруг со всей отчетливостью поняла, что этот вечер – последний в ее жизни, и больше ничего не будет, кроме боли, ужаса и отчаяния. И она оказалась права.

2

На улице было сыро и прохладно. Журналист Глеб Корсак купил еще банку джин-тоника, сделал несколько глотков и поморщился – какая гадость! На душе было паршиво. В голове играл хмель.

«Нет, ну что за жизнь, а?» – с тоской подумал Глеб. Мало того что затеяли судебное разбирательство, так еще и вышибли из газеты. Можно, конечно, работать фрилансером, но потеря в доходах предполагалась весьма ощутимая.

И что, собственно, такого уж крамольного он сделал? Ну написал серию статей, посвященных исповедям убийц, отбывающих пожизненное наказание. Ну показал их не злобными тварями, а обыкновенными людьми. И что с того? Разве они не люди?

Видите ли, убийцы в его изображении получились слишком уж человечными и вызвали у читателей симпатию. И что с того? Даже акулы-людоеды могут вызвать симпатию, что уж говорить про людей!

Перед глазами у Корсака встали лица родственников убитых, которые поджидали его с плакатами возле дверей редакции. Он вспомнил их гневные крики. Вспомнил шквал угроз, который они обрушили ему на голову, когда он вышел из редакции. Отхлебнул джин-тоника и швырнул банку в урну.

Что ж, наверное, эти люди имели право сделать то, что они сделали. Он невольно задел их чувства. Но журналист постоянно задевает чьи-нибудь чувства. Глеб ожидал скандала, но не думал, что скандал раздуется до такой абсурдной степени, и уж тем более не думал, что его вышибут с работы за статьи, которые стали сенсацией и увеличили тираж газеты на треть. Воистину мир жесток и несправедлив...

Мысли путались в голове у Глеба Корсака. Слишком много водки с тоником было выпито. Слишком мало часов в последние несколько суток он посвящал сну. Но до сна ли сейчас? И время ли быть трезвым?

Глеб представил себе круглую, лоснящуюся физиономию главного редактора Турука и сжал кулаки. Злость, поднявшаяся в душе под влиянием алкоголя и дурных воспоминаний, снова и снова прокручиваемых в голове, требовала выхода.

У обочины дороги остановилась черная «Тойота». Стекло опустилось, и толстый мордovorот, высунув голову, со смехом проговорил:

– Пацаны, смотрите, какая лапа идет!

Глеб проследил за его взглядом и увидел девушку в светлом плаще, торопливо идущую по тротуару к дому.

– Поцелуешь меня, лапуля?! – крикнул ей мордovorот.

Девушка, не оглядываясь, ускорила шаг.

– Если хочешь – я тебя поцелую, – предложил мордovorоту Глеб.

Громила повернул голову и уставился на него так, будто увидел перед собой говорящую урну. Глеб понимал, что впечатление, которое он сейчас мог произвести, не слишком-то соответствует образу крутого парня. Среднего роста, с всклокоченными волосами, худощавый... Плащ помят и расстегнут, галстук сбился набок... Не хватает только очков и конторского портфеля в руке, чтобы довершить портрет подвыпившего и обнаглевшего клерка.

– А тебе чего надо, придурок? – презрительно проговорил мордovorот.

– Хочу, чтобы ты не ушел отсюда разочарованным, – отозвался Корсак. – Так что насчет поцелуя?

Мордovorот прищурился:

– Грубишь, тля?

– Наоборот – виляю хвостом. Если тебе не видно, можешь обойти и посмотреть на мою задницу.

Физиономия мордоворота побагровела.

– Думаешь, ты клоун? – свирепо спросил он.

– Думаю, я чудо, – с улыбкой ответил ему Глеб.

Дверцы машины открылись, и двое крепких мужчин в кожаных куртках выбрались наружу.

– Дыня, он же ботан, – сказал один из них, лысый, как колесо.

– Ничего, Яйцо, ботанов тоже надо учить, – отозвался мордоворот. И добавил с ухмылкой: – Чтобы не наглели.

Мордоворот стремительно пошел на Глеба. Тот не попятился и не развернулся, он чуть отвел назад правое плечо, а потом спокойно и четко врезал бугаю кулаком по физиономии. Удар снес громилу с ног и швырнул его на асфальт.

Лысый остановился и с изумлением уставился на своего вырубившегося товарища. Затем перевел взгляд на Глеба и хрипло проговорил:

– Ты чего сделал?

– Дал Дыне в дыню, – сказал Корсак. И уточнил: – А тебя, кажется, зовут Яйцо?

– Ах ты...

Лысый выхватил из кармана травматический пистолет. Глеб, не дожидаясь продолжения, шагнул вперед и врезал лысому верзиле ботинком между ног. Тот вскрикнул, выронил пистолет и, зажав отбитую мошонку руками, согнулся пополам. Глеб посмотрел в сторону «Тойоты» и громко спросил:

- Кого еще поцеловать?

Тонированное стекло поднялось, скрыв от посторонних глаз мрачную утробу автомобиля.

- Вот так всегда, - усмехнулся Корсак. - Пообещают и обманут.

Он повернулся и направился к дому, но пройти успел всего несколько шагов. Его догнали сразу двое. Глеб резко повернулся и сжал кулаки, намереваясь сильно огорчить своих преследователей, но мощный удар кулаком в челюсть швырнул его на асфальт. А потом в ход пошли ноги.

«Меня бьют», - понял Корсак, но тут ботинок противника врезался ему в висок, перед глазами у Глеба помутилось, и он потерял сознание.

Очнулся Глеб (если, конечно, это слово применимо к бедолаге, из которого чудом не вышибли дух) в своем любимом баре «Дэдлайн». Черт его знает, как он сумел доковылять до бара. В теле болела каждая клетка. Но лицо, как ни странно, пострадало мало.

Глеб подумал, что название бара полностью соответствует границе, к которой он подошел сегодня вечером[1 - Deadline (англ.) - последняя граница, крайний срок, «линия смерти»]. Уже месяц он только и делал, что шлялся по барам и ночным клубам, швыряя деньги направо и налево. Банковский счет за это время сжался до микроскопических размеров, подобно ослиной коже из знаменитого романа. Пора было завязывать.

К столику подошел официант Саша, старый знакомый Глеба.

- Тяжелый день? - поинтересовался он, взглянув на Корсака.

- Угу.

- В последнее время тебя слишком часто бьют, дружище.

– Бьют – значит, любят, – констатировал Глеб. – Принеси чего-нибудь... продезинфицировать.

– Глеб, у тебя губа разбита – будет больно.

– Ничего. Это мое привычное состояние.

Официант ушел, а вскоре вернулся с графинчиком водки и парой тарелочек с закусками. Наполнил рюмку, пододвинул ее к Глебу.

– Только не переусердствуй, – посоветовал он.

– Не буду, – пообещал Корсак.

Выпив рюмку и закусив соленым рыжиком, Глеб задумался. Выпивка – это, конечно, хорошо. И пускать свою жизнь под откос – занятие ненапряжное и веселое. Но рано или поздно все равно придется эту самую жизнь налаживать. Одним словом, не пора ли подумать о новой работе?

Глеб Корсак был не из тех людей, которые откладывают дела в долгий ящик. Приняв решение, он тут же достал из кармана плаща мобильный телефон, порылся в справочнике, нашел нужный номер и нажал на кнопку связи.

– Алло, Елена Прекрасная... Да, это Глеб. Привет! Нет, еще не женился. Слушай, у меня нет времени на предварительные ласки, поэтому перейду сразу к делу. Что за работу ты мне предлагала?.. Так. Так. Работа в офисе?.. Пожалуй, я могу попробовать... Начальником?.. Еще лучше. Но помни, что ты мне говорила: мы теперь просто друзья. Нет, я не боюсь домогательств, я просто расставляю все точки над «і»... Вот только не надо пошлить. Все, до завтра!

Корсак отключил связь и сунул мобильник в карман. После чего задумчиво посмотрел на графин с водкой.

Итак, работа в офисе. С девяти утра до шести вечера. Узел галстука – под кадык, волосы причесаны, щеки выбриты, на морде – вежливая улыбка. А вокруг – белые стены и офисные шкафы с папками. И так каждый день с утра до вечера. Да, и еще курение в специально отведенном месте... Как говорили в Древнем Риме:

добро пожаловать в рабство.

Глеб вздохнул и потянулся за графином.

Мужчина в длиннополом сером пальто уселся за стол и посмотрел на Глеба внимательным, дружелюбным взглядом. Долговязый, пожилой, лет этак пятидесяти с гаком на вид, с седоватыми, прилизанными волосами. Глаза большие, блекло-голубые и смотрят с насмешливым спокойствием.

- Глеб Корсак, я полагаю? - спокойно спросил он.

- Угадали. - Глеб прищурил золотисто-карие глаза и осведомился: - Свое имя вы умеете произносить так же четко?

Мужчина улыбнулся и сказал:

- Я - Третий.

- А куда подевались первые два? - уточнил Глеб.

- Третий - моя фамилия. А зовут меня Валерий Николаевич. Я в курсе того, что вы сейчас на мели. Могу я узнать: что именно с вами приключилось?

- Жизнь, - ответил Корсак и сунул в губы сигарету. Начинать беседу с упоминания о «мели» этому парню не следовало. - Знаете что, Третий... - Голос Глеба зазвучал угрожающе. - Почему бы вам не отправиться на поиски первого и второго?

- Прошу прощения, я лезу не в свои дела. Я пришел сюда предложить вам работу. Причем - срочную.

- Вот как? И что за работа?

- Через два часа состоится крупная игра. Ставки будут пятизначные.

Глеб чуть подался вперед.

– Что за игра?

Третий улыбнулся и приступил к объяснениям. Говорил он негромко, но четко, тщательно подбирая слова и поясняя там, где нужно было пояснить, чтобы не заставляя Глеба переспрашивать. Наконец он закончил.

Корсак прикурил от зажигалки, положил ее на стол.

– Я вынужден отказаться, – сказал он.

– Почему? – спокойно осведомился Третий.

– Слишком опасно.

– У вас будет охрана.

– Я сказал: нет.

Этот ответ Третьему не понравился.

– Я тоже буду рядом, – настойчиво проговорил он. – И не только я. Вы будете работать в рамках «системы». Мы позаботимся о вашей игре. Мы позаботимся о вашем выигрыше. Мы позаботимся о вас.

Корсак прищурил насмешливые глаза:

– Может, вы мне и зуб запломбируете? Второй месяц не могу добраться до стоматолога.

– Послушайте, Глеб...

– Нет, это вы послушайте. Полгода назад я завязал с картами. Совсем. Можете передать это или самому Саше Персу, или его боссу. Ведь это он вас послал?

Третий чуть склонил голову в знак согласия.

– Вы забавный персонаж, и мне было весело вас послушать, – продолжил Корсак. – Но я сказал вам «нет», и теперь все, чего я хочу, так это просто выпить.

– Разумное желание, – одобрил Третий после паузы. – Я могу вас поддержать. Время почти восемь, и мой рабочий день давно закончен.

– Валяйте. Но если продолжите втирать мне про новую работу, я выдерну вам ноги, вставлю их вам в задницу вместо крыльев, а потом вышвырну вас в окно – даже не пожелав приятного полета. Ясно излагаю?

Третий, глядя на Глеба спокойными голубыми глазами, ответил:

– Вполне.

– Вот и хорошо. – Корсак повернулся к барной стойке и окликнул: – Саша! Будь добр, принеси нам еще один графин и две рюмки!

* * *

Пробуждение далось нелегко.

– Доброе утро, Глеб Олегович!

Корсак сел на кровати, свесив босые ноги на пол, и посмотрел на Третьего мутным взглядом. Потом вздохнул и сказал:

– Вряд ли я в раю, раз вижу перед собой вашу рожу.

Валерий Николаевич вежливо улыбнулся:

– Рад, что вы меня помните. – С интересом посмотрел на крутые татуировки, покрывающие плечи и грудь Корсака («Дань молодости», – как говорил о них сам Глеб), и спросил: – Как вы себя чувствуете?

– Как я себя чувствую? У меня в памяти провал размером с Марианскую впадину, а в башке ухают куранты. Прекрасно! – Корсак поморщился от головной боли, снова скосил глаза на Третьего и спросил: – Какого дьявола вы здесь делаете?

– Я привез вас вчера домой.

– Ясно. Значит, мы вчера пили вместе?

– Да.

– После игры?

– Да.

Глеб провел ладонью по небритому лицу.

– Кажется, игра мне не удалась.

Третий сочувственно улыбнулся, после чего проговорил:

– Вы подумали, что ваш противник блефовал. И не угадали. Я пытался вас предостеречь, но вы меня не слушали. Вы плюнули на систему и решили добить противника в одиночку. На свой страх и риск.

Корсак помолчал.

– Сколько составил проигрыш?

– Не слишком много. Всего пятнадцать тысяч долларов. Ваше финансовое участие шеф оценил в пять. Шеф просил, чтобы вы ему позвонили, дабы обговорить детали передачи денег.

Глеб остановил на нем взгляд, несколько секунд молча смотрел, а потом сказал:

– Хотел бы я послать вас к чертовой матери. Но вряд ли от этого что-нибудь изменится. – Он отвел взгляд, поднялся с кровати и сообщил: – Я иду в душ. А вы

пока сварите мне кофе.

Третий прищурился:

- Может, вам еще и полы помыть?

- Как скажете. Швабра и ведро - в кладовке!

З

Глеб повернулся и, пошатываясь, заковылял к ванной.

В сущности, все не так плохо, как кажется. Был он журналистом, был писателем, но пора осваивать новые высоты. Директор PR-департамента - это а) статус и б) зарплата в два раза выше той, которую он привык получать, будучи репортером криминальной хроники. Пусть компания и небольшая, но у нее есть перспективы. А значит, перспективы есть и у самого Глеба. Перечисленный Еленой Прекрасной аванс пришелся весьма кстати, поскольку после выплаты карточного долга банковский счет Глеба грозил превратиться в полный пшик.

На новое место работы Глеб прибыл в радужном настроении. Однако после четырех часов сидения в офисе Корсак приуныл. Отношения с офисной оргтехникой тоже не заладились, на что не преминул обратить внимание один из молодых менеджеров.

- Глеб Олегович, - со снисходительной улыбкой сказал он, - ну зачем же вы сами? Это должен делать секретарь. Кстати, вы не туда суете листок.

- Правда? - Корсак выпрямился, прекратив тщетные попытки разобраться с ксероксом. - Тогда, может быть, засунешь куда надо? А я посмотрю со стороны.

Молодой менеджер улыбнулся:

- Как скажете.

- Только не проси с меня денег за просмотр – я сейчас на мели.

- Заметано!

Парень взял у Корсака документ, который требовалось отксерить, и аккуратно установил его на планшетку ксерокса.

- Готово, Глеб Олегович. Теперь, если уж вам приятно все делать самому, можете нажать на зеленую кнопку. Заодно и новую оргтехнику освоите.

- Надеюсь, этот монстр не оторвет мне руку?

- Не должен.

Глеб ткнул пальцем в зеленый прямоугольник.

- Чувствую себя, как в рубке космического корабля, – признался он.

- Ничего, привыкнете. Кстати, у вас галстук сбился на сторону.

- Это не галстук, – сказал Корсак. – Это ошейник. Еще дней пять, и я научусь лаять по команде и приносить брошенную палочку.

Менеджер засмеялся.

- Не будьте пессимистом! Все не так мрачно, как вам кажется.

- Думаешь? Значит, я из тех, для кого стакан всегда наполовину пуст, – резюмировал Глеб.

День тянулся медленно, стрелки на круглом циферблате, висевшем над дверью, почти не двигались.

Когда до конца рабочего дня оставалось чуть больше часа, Корсак, остановившись возле пластиковой перегородки, чтобы подтянуть ослабший шнурок на ботинке, невольно подслушал разговор двух менеджеров.

- Ой, а ты видел последнюю серию «Цыганской любви»?

- Нет. А что там?

- Ой, там такое! Короче, слушай...

«И с такими милыми ребятами мне предстоит работать каждый день, – с тоской подумал он. – С девяти утра до шести вечера, с понедельника по пятницу... А иногда даже в субботу. И, что особенно неприятно, – в понедельник, утром...»

Глеб скривил лицо и передернул плечами – жуть!

Корсак вышел на лестничную площадку, на стене которой висела табличка «Место для курения», ослабил на шее галстук и поморщился. Он успел подзабыть, что зарабатывание денег может быть таким скучным занятием.

- С ума я тут сойду, – вздохнул он.

- Есть сигаретка? – окликнул женский голос.

Глеб повернулся и протянул пачку подошедшей блондинке. Утром он видел ее в отделе кадров.

- Как вам первый день? – спросила она, закурив.

- Замечательно, – ответил Глеб. – Все такое чистое и белое... Как в больнице.

Блондинка выпустила струйку дыма уголком губ и усмехнулась:

- Иронизируете?

- С чего вы взяли?

- Это видно. Говорят, вы были известным журналистом, но после скандала вынуждены были уйти из профессии?

- Люди много всякого болтают.

- Еще говорят, что вы картежник. И что вы сильно проигрались. Это правда?

Глеб не ответил. Девушка не стала настаивать. Она затянулась сигаретой и, выпустив дым, помахала перед лицом рукою.

- Хотите начистоту?

Глеб пожал плечами:

- Валяйте.

- Вы здесь не приживетесь.

- Да ну?

- Точно вам говорю. Вы не такой, как все мы. Другой формат, понимаете?

- Не совсем.

- Мы - «офисный планктон», - разъяснила девушка. - А вы - творческий человек.

Глеб усмехнулся:

- Это комплимент или обвинительный вердикт?

- Констатация факта. - Блондинка стряхнула пепел в стальную урну и снова посмотрела на Корсака. - Не могу понять, как вас сюда занесло?

- Ветер был попутный.

Глеб посмотрел через стеклянную стену на кабинет начальницы. Лена... То есть Елена Владимировна... А еще точнее - Елена Прекрасная, сидя за столом, беседовала с представителем фирмы-клиента.

Девушка проследила за взглядом Глеба и понимающе улыбнулась.

– А, понятно.

– Что «понятно»?

– Вы очередной протее нашей мегеры.

– «Очередной»?

Девушка кивнула:

– Угу. Но это ненадолго. Она вами наиграется и заменит кем-нибудь другим.

– Мрачную перспективу вы мне обрисовали, – иронично заметил Глеб.

– Правдивую, – пожала плечами блондинка. – Она не для вас.

– Хотите сказать, что я ее недостоин?

– Наоборот. Она вас недостойна. По сути, наша Леночка Владимировна – заурядная стерва.

Девушка швырнула окурок в урну.

– Ладно, не болейте!

Она махнула ему ладошкой, повернулась и ушла. Оставшись один, Глеб снова посмотрел на Лену... то есть на Елену Владимировну, поскольку теперь она была ему не только любовницей, но и начальницей, и здесь, в офисе, он обязан был звать ее по имени-отчеству, да еще и обращаться к ней на «вы».

Начальница как раз выпроваживала представителя клиентов, радушно ему улыбаясь и открывая перед ним стеклянную дверь кабинета.

– Н-да... – задумчиво проговорил Глеб. – А ведь девчонка права – эта дверь открывается в обе стороны.

4

По пути домой Глеб заехал в супермаркет и купил все, что необходимо молодому мужчине, чтобы приятно скоротать вечер в одиночестве, а именно – бутылку водки «Смирнов» и литровую бутылку тоника. Проходя мимо стеллажа с компакт-дисками, он увидел кучу новых альбомов, выбрал из стопки альбом джаз-ремиксов и направился к кассе.

Интересно, что происходит с нереализованными компакт-дисками? – подумал он вдруг. Куда их отправляют – на какой-нибудь сток-склад или прямым на свалку? А может, их разбирают себе продавцы? В качестве премиальных. Глеб попытался представить себе продавца, который взял бы себе в качестве премиальных диск с бит-версиями хитов Сары Воэн или Луи Армстронга. Ему представился немолодой, уставший от жизни мужчина. Большая голова с залысинами, очки, резкие морщины по краям рта. Пиджак такой же поношенный, как лицо, но обувь новая и хорошая. Потому что этот парень – старый москвич, а ни один уважающий себя москвич, даже тот, чье пальто побито молью, не позволит себе разгуливать по улицам в дрянной обуви. Лет сорок назад этот лысоватый любитель джаза был юным стилистом, называл друзей «чувачки» и бриолинил себе чуб. С тех пор он сильно пообносился, сменил кучу работ. Но кое-что от прежних замашек осталось.

Испытывая симпатию к неведомому продавцу, берущему премии компакт-дисками, и считая его почти товарищем по несчастью, Глеб свернул во двор и остановился возле подъезда, уставившись на собаку, привязанную к железному заборчику, огораживающему клумбу. Собака лежала на земле, вытянув передние лапы и положив на них голову. Выглядела она внушительно – белая, рослая, короткошерстная, с массивной головой, купированными ушами и маленькими глазами.

Намордника на собаке не было, хотя на вид она явно принадлежала к группе грозных бойцовских зверюг, для которых перекусить человеку ногу или руку не стоило никакого труда.

Среагировав на приближение Глеба, собака приподняла голову и уставилась на него своими темными глазами. Несколько секунд собака разглядывала его, а затем снова опустила голову на лапы.

– Хорошая собачка, – на всякий случай сказал Корсак.

Он осторожно двинулся к подъезду, стараясь пройти как можно дальше от собаки и думая о том, что встретиться с такой зверюгой, когда она голодна и рассержена, он не пожелал бы и врагу.

Вот, наконец, и подъезд. Глеб прижал электронный ключ к гнезду замка, распахнул дверь и шагнул в теплый полумрак подъезда, испытывая некоторое облегчение оттого, что встреча с бойцовским псом закончилась благополучно.

Перед тем как вызвать лифт, он привычно поднялся на несколько ступенек и открыл дверцу почтового ящика. Железная гнутая, исцарапанная дверца не закрывалась на замок. Русские люди, в крови у которых до сих пор играла пугачевская вольница, не терпят замков и запоров и ломают их везде, где только встречаются.

Стараясь не испачкать рукав плаща, Корсак сунул руку в почтовый ящик, пошарил там и наткнулся среди вороха рекламных листов на что-то твердое, обернутое в бумагу. Глеб вынул предмет из почтового ящика. Это был небольшой сверток. Бумага – грубая, оберточная, без единой надписи.

Глеб повертел сверток в руках. Хотел было его развернуть, но передумал и сунул в карман плаща. Подъезд был слишком тускло освещен. Вынув из почтового ящика несколько рекламных листов, Корсак не глядя швырнул их в картонную коробку, стоящую в углу, затем спустился к лифту и нажал на кнопку вызова, чувствуя сильное, почти непреодолимое желание выпить.

У себя в квартире Глеб первым делом поставил на проигрыватель купленную пластинку, нашел композицию «Speak Low», а затем стал раздеваться, пританцовывая под трогательные речитативы Билли Холидей, положенные на битовую основу.

Сделав особо сложное танцевальное па и швырнув в танце рубашку на диван, Глеб усмехнулся и пробормотал:

- Жаль, что меня сейчас никто не видит.

Переодевшись в старые джинсы и футболку с надписью «ЙУХ», Корсак выставил на журнальный столик водку, тоник, широкий стакан из толстого стекла и вазу со льдом. Затем уселся в кресло, закинул ноги на край стола и принялся смешивать себе коктейль. Третью стакана водки, столько же тоника, выжатая половинка лимона и горсть льда.

- I feel wherever I go that tomorrow is near, tomorrow is here and always too soon... - пел из динамиков хриловатый и душевный женский голос.

И тут Корсак вспомнил про сверток, который достал из своего почтового ящика. Вспомнил - и удивился. В былые времена он развернул бы посылку, едва переступив порог квартиры, а сейчас практически позабыл о нем. Казалось, вместе с профессией репортера Глеб потерял и свойственное ему обычно любопытство.

Отставив бутылку, Корсак поднялся с кресла и направился в прихожую. Вскоре он вернулся, неся в руке посылку. Сел в кресло и еще раз внимательно осмотрел ее. Обычная оберточная бумага. Ни адреса, ни имени. Любой здравомыслящий человек на месте Корсака вообще не брал бы в руки этот сверток. Мало ли что могут бросить в почтовый ящик журналисту, пусть даже и бывшему. Особенно - в наше время. Тем более что после серии скандальных статей, изданных родной газетой, Глеб получил не менее десятка писем с угрозами. Его обещали избить, пристрелить, зарезать и, разумеется, взорвать вместе с машиной.

На трезвую голову Корсак непременно вспомнил бы об этих обещаниях, но после двух-трех стаканов водки с тоником он обычно становился нечувствительным к любой опасности. Верующие люди называли подобное состояние «христианским бесстрашием». Глеб же формулировал его для себя примерно так: «Кучей дерьма больше, кучей дерьма меньше».

Отхлебнув коктейля и с хрустом раскусив попавшийся на зубы кусок льда, Корсак принялся разматывать сверток. Слой за слоем, все ближе к середине, и вскоре сорванная бумага валялась на столе, а у Глеба на ладони лежал предмет,

сильно смахивающий на обренок кости. Желтоватый, вычищенный до блеска.

Пару секунд Корсак просто таращился на предмет. Потом сделал резкое, брезгливое движение, словно хотел отшвырнуть его от себя, но сдержался. Глупо швыряться костями, сидя в собственном кресле. В конце концов, фрагмент кости безопаснее, чем бомба, и интереснее, чем использованное женское белье (случалось, присылали ему и такое).

Глеб повертел кость в руках и вдруг заметил, что на ней что-то написано. Надпись была сделана тонким черным маркером. Глеб приблизил жуткую штукювину к лицу и разглядел две латинские буквы: «S» и «E».

Подержав еще немного кость на ладони, Глеб положил ее на стол и потянулся за водкой.

Вскоре, прихлебывая водку с тоником и поглядывая на загадочную кость, Глеб размышлял над тем, что следовало предпринять нормальному человеку в подобной ситуации. Наверное, нужно позвонить в милицию, то есть в полицию. Но что он скажет? «Здравствуйте! Меня зовут Глеб Корсак. Кто-то бросил мне в почтовый ящик кость. Правда, настоящая она или нет, я не знаю. Пришлите, пожалуйста, кого-нибудь по адресу... (Далее следовал полный адрес проживания Глеба.) Пусть заберут эту дрянь и отвезут ее в лабораторию».

Глеб хмыкнул. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что ему скажут в ответ.

Поразмыслив еще несколько секунд, Глеб решил, что самым правильным в данной ситуации будет выпить. Приняв решение, он снова потянулся за бутылкой.

Глава 2

Маша Любимова взглянула на стопку бумаг, лежавшую на потертом столе, затем откинулась на спинку стула и помассировала пальцами ноющее плечо. После аварии прошло целых четыре месяца, но плечо, собранное хирургами буквально по кусочкам, до сих пор заставляло ее содрогаться и стонать от боли.

Любимова убрала руку с плеча и вздохнула. В последнее время суета с бумагами выматывала ее так же сильно, как работа на выездах. К вечеру она чувствовала себя не то что уставшей, но совершенно выжатой. А ведь еще совсем недавно все было абсолютно иначе.

«Самая талантливая в выпуске», «восходящая звезда отечественной юриспруденции». И что в итоге? Ей тридцать четыре года. За плечами... то есть почти за плечами – развод с весьма обеспеченным мужем, с которым она еще совсем недавно собиралась прожить всю жизнь. Что осталось? Съемная «двушка» в Марьиной Роще... Остаток страховки на банковском счету. В нижнем ящике стола – стопка благодарностей от начальства. На погонах – одна большая звезда, которая освещает путь... куда? Да, собственно, никуда. Завтра все будет так же, как сегодня, и чем дальше, тем меньше ожидается сюрпризов. Впрочем, это и к лучшему. Да-да, в тридцать четыре года лучше обходиться совсем без сюрпризов, потому что понимаешь, что сюрпризы в этом возрасте случаются в основном неприятные.

Недавний пример был весьма показателен: когда Маша вышла из реабилитационного центра и вернулась домой (ах, как полезно иногда бывает явиться домой неожиданно, без звонка), она обнаружила в собственной постели совершенно незнакомую женщину. Женщина была обнажена, а из ванной комнаты доносилось фальшивое пение ее супруга, похожее на урчание удовлетворенного кота.

Маша повернулась и покинула квартиру, а на следующий день подала на развод. Однако муж заявил, что он не намерен разводиться и будет бороться за нее.

«Бороться»... Кому нужна его борьба?

Маша снова помассировала пальцами левое плечо. Вот уже четыре месяца она не могла и дня прожить без обезболивающих препаратов. Боль была не острая и на первый взгляд вполне терпимая, но в конце концов и самая малая боль способна измотать человека и превратить его в тряпку.

У Маши было слишком мало времени, чтобы тратить его на борьбу с болью, поэтому в потайном кармашке ее сумки всегда лежал флакон с «Неврилом», обезболивающим лекарством на кодеиновой основе. Для себя Маша называла его просто кодеин.

Подумав о флаконе с лекарством, Маша достала его и встряхнула. Осталась всего одна таблетка. Черт... как всегда неожиданно. Маша сокрушенно вздохнула и положила таблетку под язык. Устроилась в кресле поглубже, пару минут подождала. Боль начала утихать.

Но Маша знала, что это ненадолго. Через несколько часов боль вернется снова.

Мария достала из кармана мобильник, нашла в справочнике номер, обозначенный буквой «Д», и нажала на кнопку вызова.

- Слушаю, - отозвался бодрый и приветливый мужской голос.

- Это я.

- Здравствуйте, Мария Александровна! Чем могу быть полезен?

Маша крепче прижала трубку к уху и тихо произнесла:

- Мне нужен препарат.

- Как всегда или что-то особенное? - тем же приветливым голосом уточнил собеседник.

- Как всегда.

Короткий вздох, и улыбка самодовольства (Маша так и видела ухмыляющееся лицо дилера - наверное, приятно знать, что держишь на коротком поводке майора угрозыска).

- Хорошо, Мария Александровна. Перезвоните мне через пару часов. Всего доброго!

Дилер отключил связь.

Мария убрала телефон в свою безразмерную сумку, в которой помещался миллион необходимых вещей. Погладила ладонью больное плечо, словно надеялась усмирить боль. Взгляд ее упал на зеркало. Худощавое лицо с правильными, но не слишком выразительными чертами. Светлые вьющиеся волосы, остриженные в каре. Высокие скулы. Карие глаза. Под глазами – тени, притушенные пудрой. Минимум косметики (губная помада да чуть-чуть туши на ресницах).

И прежде хрупкая, сейчас она напоминала себе хрустальный бокал, готовый разбиться от простого прикосновения.

– Запустила ты себя, Маша, – со вздохом сказала она. – Ой запустила. Пора бы уже выкарабкиваться.

Вздыхнув, она продолжила размышлять вслух:

– Роман, что ли, закрутить? Но для романа обычно нужны мужчина и женщина. Где же мне взять подходящего мужчину?

Зазвонил телефон. Любимова взяла трубку:

– Да.

– Мария Александровна, это я.

– Слушаю вас, Андрей Сергеич.

– У нас труп. На пустыре, неподалеку от «Щелковской». На обочине дороги. Выезжайте срочно – машина уже ждет.

– Волохов и Данилов в курсе?

– Да. Вероятно, они приедут на место раньше вас.

– Хорошо, Андрей Сергеич.

Положив трубку, Мария убрала бумаги в стол, поднялась с кресла и шагнула к вешалке. Надевая свой стильный, непромокаемый бежевый плащик от «Burberry», Маша совсем не чувствовала боли. В один миг в ней проснулся профессиональный азарт, наполнив ее рвением и уверенностью в своих силах.

2

Погода не радовала. Выпавший накануне снег растаял, оставив после себя грязные озерца луж, которые уныло поблескивали под серым осенним небом. Моросил мелкий дождик, больше похожий на взвесь холодного пара. То и дело налетавший ветер заставлял Машу поднять воротник плаща.

Она огляделась. Группа криминалистов, приехавшая раньше нее, была занята работой.

– Здравствуй, Толь! – поприветствовала она оперативника Толю Волохова.

– Привет, Маруся!

Майор Волохов, белобрысый, рослый и могучий, как древнерусский богатырь, бережно пожал ей руку, словно боялся ее сломать. Слегка одутловатые щеки его покрывала двухдневная щетина.

– Как сама? – обронил Толя Волохов, взглядевшись в бледное лицо Марии.

– Ничего. А ты?

– Да все путем.

– Как Галя? – осторожно спросила Маша.

По лицу Волохова пробежала тень.

- Плохо, - пробасил он. - Она меня уже не узнает. Принимает то за брата, то за отца. Доктора говорят, что процесс уже необратим.

- А как у тебя там? - столь же осторожно спросила она, намекая на любовную связь Волохова на стороне.

Толя сощурил глаза:

- А тебе все надо знать, да?

- Ты мой друг. Но если не хочешь - не говори.

Он вздохнул:

- Да ладно, чего уж... Там у меня все закончено. Удивил?

- Немного.

- Да я и сам на себя дивлюсь. Понимаешь, Марусь, не могу я так. Жена тяжело больна, а я шашни кручу с любовницей. Как будто пир во время чумы. Как будто уже похоронил Галку при жизни. Все это как-то не по-человечески.

- И что будет дальше?

- Сам не знаю. Может, ничего и не будет. Я в последнее время сам не свой. Думал, давно уже ничего не чувствую, а тут вдруг... проняло. Посмотрел однажды на ее руки тонкие, на ее щеки запавшие, на ее глазища... Ну, и дернулось что-то внутри. Тебе смешно?

Маша покачала головой:

- Нет.

Толя усмехнулся:

– Ладно, Марусь, давай не будем о грустном. О, а вот и наш буддист вышагивает! – Он протянул руку подошедшему оперативнику Стасу Данилову. – Здравствуй, брахмапутра!

– Те же и там же, – иронично констатировал Стас. – Красавица и чудовище.

Худощавый, насмешливый Стас Данилов пожал протянутую руку, глянул на заросшие щетиной щеки здоровяка-оперативника и спросил:

– Анатолий, мон ами, вы совсем перестали бриться?

Волохов поскреб толстыми пальцами по щетине.

– А что, не нравится?

– Трудный вопрос. Скажу одно: если ты думаешь, что борода добавляет тебе шарма, ты ошибаешься. Это же относится и к мешкам под твоими глазами. Если, конечно, в этих мешках у тебя не золото.

Глядя на коллег, Маша в который уже раз подумала, что они выглядят как полная противоположность друг друга. Стас не только был худощав и темноволос, но и обладал приятной наружностью, тогда как Толя Волохов был вылеплен грубо и незатейливо. Чувственные черты Стаса и светящийся мальчишеский взгляд его серых глаз могли покорить самое неприступное женское сердце. Волохов же в присутствии красивых женщин терялся, краснел и делался еще более неуклюжим.

– Что тут у нас? – спросил Стас.

– Мертвая девчонка, – ответил Волохов.

– Пошли, посмотрим.

Они двинулись к женскому телу, расprostертому на земле неподалеку от дороги. Молодой криминалист Паша Скориков, долговязый и носатый, стоял на сухом участке между двух луж и фотографировал место преступления.

- Привет, Паша! - поприветствовала его Мария.

- Здравствуйте, Мария Александровна!

- Судмед еще не приехал?

- Нет, - ответил Скориков.

- Ты уже провел осмотр?

- Да, только что. Трупное окоченение не наступило, да и тело не совсем остыло.

Мария взглянула на тело. Девушка была одета в джинсы и свитерок. Лежала она на правом боку, голова была запрокинута, и Маша видела широко раскрытый голубой глаз. Губы девушки были зашиты черной нитью. На шее виднелись синяки - признак того, что ее душили.

К Маше, широко задирая ноги, чтобы не угодить в лужи, подошел следователь Пожидаев из Следственного комитета. Выглядел он уставшим и недовольным. Впрочем, как всегда. Щеки обвисли, на лбу морщины, в бесцветных глазах - вековая усталость и обида на бога за свою неудачную долю.

- Здравствуй, Маш.

- Здравствуйте, Юрий Михайлович. Сегодня вы?

- Угу. И дело это, судя по всему, сунут тоже мне. Ты как, уже оклемалась?

- Как видите.

- Ну и отлично. Работай, а я пойду доложусь. Трубу в машине оставил.

Следователь, подтянув брюки и задирая ноги еще выше, двинулся к своей машине. Он был похож на старую цаплю.

– Когда, по-твоему, наступила смерть? – спросила Мария у криминалиста Скорикова.

– Думаю, пару часов назад, – ответил тот.

– При девушке найден паспорт на имя Ирины Викторовны Романенко, – пробасил Толя Волохов. – Восемьдесят шестого года рождения.

– Стас, – обратилась Маша к оперативнику Данилову, – позвони в управление, пусть пробьют по нашей базе.

– Хорошо, Марусь.

Данилов полез в карман за телефоном. Мария снова взглянула на криминалиста Скорикова:

– Можно я?

– Само собой, – сказал Скориков и отошел в сторону.

Мария присела на корточки рядом с телом девушки. Вдохнула ноздрями воздух и ощутила едва уловимый запах парфюма. Дорогого парфюма. Аромат немного приторный и очень навязчивый...

Она ожидала почувствовать другие запахи, более неприятные, но, к своему удивлению, поняла, что никаких других запахов нет. Поначалу это привело Марию в замешательство, но через несколько секунд она вспомнила, что это дизосмия. Функциональное расстройство, часто возникающее у людей, переживших стрессовую ситуацию или психическую травму (об этом ей рассказывал на одном из сеансов доктор Козинцев). Мозг отказывается воспринимать определенные запахи, особенно неприятные.

Маша сосредоточилась на изучении тела. Девушка была молодая, не больше двадцати пяти лет. Красивое лицо, чувственные губы, хорошая фигура. Кожа уже приобрела характерную мертвенную бледность, но все еще было видно, что при жизни девушка не забывала ходить в солярий. На лице у погибшей Мария разглядела ссадины и царапины.

- Ну, что видно? – поинтересовался Скориков.

- Дай мне еще пару минут, – попросила Маша.

Она продолжила систематично изучать труп, стараясь не пропускать деталей, но вскоре поняла, что лекарство, принятое недавно, мешает ей сконцентрироваться. И тогда Маша заговорила вслух, надеясь, что звук собственного голоса поможет ей мобилизоваться.

- Паша, ты прав. Девушка умерла около трех часов назад. На шее отчетливые следы удушения. Скорей всего, смерть наступила из-за этого.

Мария продолжила осмотр.

- Рот жертвы зашит грубой нитью. Шов ровный. Прижизненный. Либо голова жертвы была прочно закреплена, либо рот ей зашивали, пока она была без сознания.

- Что такого могла сказать женщина, чтобы понадобилось зашивать ей рот? – пробасил Волохов.

Он стоял рядом с Машей, сунув руки в карманы брюк и дымя сигаретой, небрежно воткнутой в уголок твердых губ. Мария не ответила. Она аккуратно осмотрела, а затем ощупала руки жертвы.

- На правом запястье – следы от звериных клыков, – снова заговорила Маша. – Сухожилие перекушено.

Мария осторожно ощупала сперва левую, а потом правую ногу. Затем приподняла правую брючину и внимательно осмотрела щиколотку и голень. На голой коже Мария обнаружила свежие поперечные шрамы – один сразу под коленом, второй у ступни. Мария осторожно потрогала ногу между этими шрамами кончиками пальцев. Ткани легко продавились, не встретив сопротивления, которое должна была оказать кость.

- Убийца вырезал жертве часть левой большеберцовой кости, – снова заговорила Маша.

- Вырезал ей кость? – удивился Волохов.

- Да. А потом зашил кожу. Я не специалист, но, на мой взгляд, операцию он произвел вполне профессионально, и было это... примерно два дня назад.

- Значит, девчонка в тот момент была еще жива?

- Да.

Волохов смачно выругался.

Мария внезапно почувствовала, что ее мутит, и закрыла глаза. Пару раз глубоко вдохнула и выдохнула. Снова открыла глаза. Скориков наклонился сделать крупную фотографию лица погибшей.

- Жалко девчонку, – сказал Волохов. – Молодая совсем. И зачем этому гаду понадобилась ее кость?

- Ты меня об этом спрашиваешь?

- А кого? – усмехнулся Волохов. – Ты же у нас гений криминалистики. И интуиция у тебя, как у экстрасенса.

Маша пожала плечами. Поднялась на ноги и машинально отряхнула плащ.

- Нужно поискать на земле отпечатки шин, – сказала она. – Возможно, убийца съехал с дороги, чтобы не тащить тело девушки от самого бордюра.

- Я распоряжусь.

Волохов отошел к следственной бригаде.

Мария перевела дух и снова осмотрела место преступления.

- У нее что-то есть в руке! – воскликнул Паша Скориков, присаживаясь рядом с телом. – Вот здесь!

Мария посмотрела на правую кисть убитой девушки. Паша Скориков осторожно разжал пальцы жертвы.

– Похоже на человеческие волосы, – сказал он. – Рыжие волосы. Отлично!

Не скрывая радости, криминалист потянулся за своим чемоданчиком, который стоял в шаге от тела девушки.

Пока он, пользуясь пинцетом, упаковывал волоски в пластиковый пакетик, Маша закурила коричневую сигарету с ароматом вишни. У нее неприятно заныло под ложечкой. Было совершенно очевидно, что это не простое убийство. Зашитый рот, извлеченная кость... Все это было похоже на ритуал.

У Маши снова заныло плечо. словно обратное эхо грядущих бед и неприятностей.

Она отошла от тела и достала из сумочки мобильник. Нашла в недавних контактах номер дилера и клацнула по кнопке связи.

– Мария Александровна... – Голос у дилера был уже не такой приветливый. – Где вы пропадаете?

– Я работаю.

– Я тоже. Товар уже у меня. Вы намерены его выкупить?

– Да. Но теперь только вечером.

– Хорошо. Но цена будет той, о которой мы договаривались. Мне пришлось здорово потрудиться, чтобы раздобыть лекарство за сорок минут.

– Хорошо.

– Тогда до вечера, и жду вашего звонка.

Мария убрала телефон в сумочку. Подошел Стас Данилов.

- Матери у девушки нет, а номер телефона отца сейчас пришлю.

- Хорошо. Передашь его мне.

Стас внимательно посмотрел на Машу.

- Сама к нему поедешь? - спросил он.

- Да.

- Это не обязательно, Марусь. Я могу съездить.

Мария качнула головой:

- Нет. От тебя больше проку будет здесь. «Оттопчите» с Толей всю прилегающую местность и опросите всех пасущихся там бомжей. Место тут пустынное, но, возможно, кто-то все же ошивался поблизости.

- Сделаем, Маша.

Возле бордюра остановилась красная «девятка». Дверца открылась, и из салона выбрался судмедэксперт Лаврененков. Высокий и тощий, как мумия, в длинном, просторном пальто цвета мокрого асфальта. На носу и щеках у долговязого судмедэксперта цвели розы от слишком частых возлияний.

Завидев Любимову, Лаврененков воскликнул хриплым, пропитым голосом:

- А, Машенька! Ты что, уже уезжаешь?

- Да, Семен Иванович. Вы слишком долго добирались.

Эксперт развел руками:

- Пробки. Что там у нас? Интересный случай?

– Вам понравится.

– О! Я весь в предвкушении!

– После осмотра расскажете все Волохову и Данилову, они мне передадут.

– Хорошо, Машенька. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, Семен Иванович. А вы?

– Я, Машенька, давно ничего не чувствую. Но спасибо, что поинтересовалась.

Судмедэксперт подмигнул Маше и зашагал дальше. Любимова тоже было двинулась к машине, но ее остановил следователь Пожидаев, человек с таким же помятым лицом, как и его пальто. Разве что пальто было помоложе и выглядело приличнее и дороже, чем лицо.

– Мария Александровна, не перемудри, – сказал Пожидаев усталым голосом. – Разрабатывай версии попроще. Чем проще, тем оно, знаешь, ближе к истине.

– Юрий Михайлович, вы меня учите работать?

– Упаси боже. Просто советую тебе как старший товарищ. Ты, кстати, как себя чувствуешь?

– Нормально чувствую. Что вы все ко мне пристаёте с этим вопросом? – внезапно вспылила Мария.

– Ну-ну-ну, не горячись. Просто мы волнуемся за тебя.

– За себя волнуйтесь.

Маша повернулась и зашагала к машине.

К следователю подошел Толя Волохов. Пожидаев покосился на него и глубокомысленно изрек:

- Плохо ей еще.

- Да уж, - пробасил, дымя сигаретой, Волохов. - Нехорошо.

- Она вроде к психологу ходит?

- Может, и ходит. Да только нас с вами это не касается.

Следователь приподнял брови.

- Чего?

Волохов добродушно осклабился:

- Врачебная тайна, Юрий Михайлович. Знаете, поди, что это такое?

Пожидаев несколько секунд молчал, оценивающе глядя на верзилу-оперативника, потом отвел взгляд и пробубнил:

- Ну-ну. Ладно, поеду и я. Встретимся на совещании у Жука.

Пожидаев заковылял прочь, всем своим видом показывая, что он заранее недоволен всем, что собираются сделать, решить или сказать опера.

Толя Волохов отбросил окурок и вернулся к Стасу Данилову.

- Что скажешь? - спросил тот.

- Ничего, - ответил Стас. - Жрать охота. Когда закончим, поеду в кофейню. Ты со мной?

Волохов помотал головой:

- Нет.

- Боишься потерять изящество линий? - с усмешкой осведомился у него Стас.

Могучий Волохов смерил худощавую, поджарую фигуру коллеги презрительным взглядом и сказал:

- Зачем тебе есть - все равно еда в прок не идет.

- У меня повышенный метаболизм, - заявил Стас.

- Чего?

- Еда переваривается быстро. Сгорает, как в топке паровоза. - Стас глянул на живот Волохова и добавил, усмехнувшись: - Но тебе, я вижу, эта проблема незнакома. Твои закрома всегда полны.

Толя проследил за его взглядом и свирепо прищурился:

- Хочешь сказать, что у меня большой живот?

- Это не живот, Анатолий. Это дом, который построил «Старый мельник».

- Хочешь сказать, что я толстый?

- Ты не толстый, ты - хорошо наполненный и отлично утрамбованный.

Волохов фыркнул:

- С тобой говорить - гороху наестся.

Стас засмеялся и потрепал друга по могучему плечу, после чего повернулся и зашагал к двум подвыпившим бомжам, дожидавшимся беседы возле полицейской машины.

Встреча с отцом погибшей состоялась через полтора часа. По телефону с Машей говорил не сам Романенко, а его помощник.

– Виктор Степанович просил передать, что он вас примет. Но он может задержаться, и тогда вам придется подождать.

Мария заверила помощника, что она все понимает и что ничего страшного для нее в таком ожидании нет. Но на самом деле Маша провела в приемной около часа, глотая кофе чашку за чашкой и просматривая скучные журналы, посвященные сфере телекоммуникаций. Чтобы попасть в эту приемную, ей пришлось пройти унижительную процедуру досмотра.

– Вы должны оставить оружие здесь, – оповестил ее на входе громила-охранник в квадратном пиджаке и с таким же квадратным подбородком.

– У меня нет оружия, – честно сказала Маша.

– Могу я взглянуть на содержимое вашей сумочки? – осведомился квадратный охранник.

– С какой стати?

Он изобразил на лице улыбку, больше похожую на жуткий оскал.

– Прошу меня понять: я должен действовать по инструкции. В противном случае меня уволят.

Мария решила не нагнетать ситуацию и не тратить время на препирательства. Она сняла с плеча сумку и поставила ее на столик. Охранник расстегнул «молнию», раскрыл края и внимательно взглянул на содержимое сумки.

– Все в порядке. Вы можете пройти. Поднимайтесь на пятый этаж, пройдите через холл и увидите дверь, обитую черной кожей. За дверью будет приемная. Удачи!

Мария взяла сумочку и, нахмурившись, зашагала к лифту. Она сердилась на себя за то, что позволила охраннику обыскать ее, но все же смогла успокоиться и притушить нарастающий гнев.

Когда Виктор Степанович впустил Машу в свой кабинет, у нее уже дрожали пальцы от выпитого кофе, а в голове царил полный сумбур, состоящий из цитат, почерпнутых ею из только что прочитанных статей про цифровое телевидение, широкополосный Интернет и оптоволоконные кабели.

Виктор Степанович Романенко сидел за столом. Это был крупный, темноволосый, но уже начинающий седеть мужчина с благородным лицом римского патриция. Костюм сидел на нем как влитой, а бледное, гладкое лицо бизнесмена было спокойным и холодным, как у статуи.

Он не поднялся навстречу Любимовой, а лишь указал ей на кресло, а когда она села, спросил:

– Могу я взглянуть на ваше удостоверение?

– Можете.

Романенко, сцепив пальцы рук и словно окаменев в этой позе, терпеливо ждал, пока Мария найдет в сумочке удостоверение и раскроет его. Удостоверение он осмотрел внимательно, затем перевел взгляд на Машу и сказал:

– Значит, вы – следователь.

– Да.

– И вы женщина.

– Удивительно точное наблюдение.

Романенко сдвинул брови, помолчал несколько секунд (было так тихо, что Маша слышала собственное дыхание), а потом спросил:

– Вы уверены, что найденная вами девушка – моя дочь?

- Оpoznания еще не было, - сказала Маша. - Вас пригласят, и тогда вы...

- Как она умерла? - перебил Романенко, пристально глядя на Любимову.

- Мы считаем, что это убийство, - спокойно сказала Маша.

- Ира мучилась перед смертью?

- Это можно будет сказать после заключения судмедэксперта.

Романенко провел рукою по волосам, а потом вдруг усмехнулся - и в неожиданности и неуместности этой усмешки было что-то страшное, почти inferнальное.

- Вам, вероятно, кажется, что я слишком спокоен?

- Каждый переживает свою боль по-своему, - сдержанно ответила Маша.

- Видите ли... Ира была мне не родной дочерью. Я женился на ее матери, когда Ире было двенадцать лет, и у нас с самого начала как-то не заладилось. Мама Иры умерла три года назад, и с тех пор мы с Ирой стали совсем чужими людьми. Что не мешало ей время от времени обращаться ко мне за финансовой помощью.

Романенко перевел дух и вопросительно уставился на Любимову, словно ожидал от нее какого-то комментария.

- Я понимаю, - сказала Маша. - Такое часто случается.

Виктор Степанович помолчал еще несколько секунд, а затем спросил, вновь огорошив Марию внезапной сменой темы разговора:

- Это дело будете вести вы?

- Да, - ответила она.

- Не думаю, что женщина может быть хорошим следователем.

- Я не следователь. Я старший оперуполномоченный уголовного розыска.

- Да, я в курсе. Оперативно-розыскная деятельность, дознание, подготовка материалов для передачи их в СК... Но все равно. Вы только не обижайтесь, я не собирался вас оскорбить. Я просто высказал свое мнение. Хороший сыщик, на мой взгляд, должен обладать как минимум двумя качествами. Первое - смелость. Второе - умение мыслить аналитически.

- По-вашему, женщина не может быть смелой?

- Женщинам, в отличие от мужчин, всегда есть что терять. Дети, уютное гнездышко, красота... Особенно в вашем случае, поскольку вы, вне всякого сомнения, красивая женщина. А что до аналитических способностей, то всем известно, что женщины не умеют мыслить логически. - Романенко сдвинул брови и строго спросил: - Вы намерены оспорить мои утверждения?

Маша качнула головой:

- Нет. Я намерена задать вам несколько вопросов.

- Это хорошо. Когда женщина пытается спорить с мужчиной, это очень часто выглядит жалко.

- Есть такая китайская пословица: даже если надеть на быка уздечку и седло, он не превратится в коня. Я не буду пытаться вас переубедить, Виктор Степанович. У меня на это просто нет времени. А теперь позвольте мне задать вопрос по существу. Когда вы виделись с дочерью в последний раз?

- Дня три назад.

- С тех пор вы общались?

- Нет. Э-э... - Романенко облизнул губы кончиком языка, словно они внезапно пересохли. - Мария Александровна, вы не против, если я налью себе выпить?

- Нет, - качнула она головой.

Романенко открыл ящик стола, достал бутылку скотча и граненый стакан.

- Вам не предлагаю, потому что вы на службе, - прокомментировал он, открывая бутылку. - Хотя, если хотите попробовать...

- Спасибо, но я не люблю виски.

- Это «Спрингбэнк» тридцатидвухлетней выдержки.

Мария снова качнула головой:

- Нет.

- Ну, дело ваше.

Романенко поднес стакан к губам и сделал глоток. Снова облизнул губы и сказал, с хмурой задумчивостью разглядывая стакан:

- Я практически ничего не знаю о ее жизни. Однако пару дней назад она приходила ко мне за деньгами. С ней был парень. Очень самоуверенный. Он представился художником. А когда они уходили, сунул мне свою визитную карточку. Потом я звонил ей, интересовался, какие отношения у них с этим парнем. Она сказала, что они друзья. - Романенко дернул уголком губ и добавил:
- Должно быть, это означает, что она с ним спала.

Он залпом допил виски и поставил стакан на стол.

- Как долго они встречались? - спросила Маша.

- Не знаю. Но не уверен, что долго. Ира была не из тех, кто может долго терпеть рядом с собой мужчину.

- Чем Ирина занималась по жизни?

– В прошлом году она бросила университет. После этого... – Он пожал плечами. – Она работала... там, сям... но это нельзя назвать работой.

– Почему?

– Потому что она не умела работать. Никогда. Деньги она получала от меня. Суммы не грандиозные, но на жизнь вполне хватало.

– На каком факультете она училась?

– На факультете антропологии. Кафедра восточной мифологии.

– Почему она ушла из университета?

– Сказала, что ей и это надоело. За последний год Ира сменила несколько мест, но нигде не задерживалась дольше месяца. Ей везде было скучно. Она вообще не хотела работать, но я настаивал.

– Зачем?

– Затем, что бездельники плохо кончают. И то, что случилось с Ирой, – лишнее тому подтверждение.

Романенко снова взялся за бутылку. Маша посмотрела, как он наполняет стакан, и спросила:

– У вас сохранилась визитная карточка того парня?

– Да. Сейчас... – Романенко поставил бутылку, открыл верхний ящик стола, порылся в нем, достал визитку и протянул ее Марии: – Вот.

Она взяла карточку и сунула ее в сумку. Затем поднялась с кресла и сказала:

– Вы не выглядите как убитый горем отец. Но это ничего не значит. В любом случае, я благодарна вам за то, что вы нашли в себе силы встретиться и поговорить со мной. Мой телефон есть у вашего секретаря. Всего доброго!

Любимова повернулась и зашагала к двери.

– Пойдите! – окликнул ее Виктор Степанович.

Мария остановилась. Вопросительно взглянула на Романенко через плечо.

– Я намерен назначить вознаграждение, – сказал он мрачным голосом.

– Вознаграждение?

– Да. За поимку убийцы моей дочери. Найдите этого ублюдка, и я перечислю на счет вашей конторы двадцать тысяч долларов. Это будет хорошим стимулом, правда?

– Да. Наверное.

Маша отвернулась и вышла из кабинета.

4

Найти художника Андрея Голубева не составило особого труда. Свои арт-эксперименты он проводил в стенах галереи под странным названием «Бекассо». Взглянув на вывеску, Мария решила, что Бекассо – это помесь бекаса с Пикассо, и подумала о том, что с не меньшим успехом это заведение можно было бы назвать «ВанГоголь».

«Пожалуй, стоит подумать о том, чтобы продать эту идею какой-нибудь арт-галерее», – решила Любимова.

Внутри ее ждал еще один сюрприз. У стен большого зала, увешанного картинами, с первого взгляда похожими на обыкновенную детскую мазню, стояли несколько совершенно голых мужчин и женщин модельной внешности. Их стройные тела были раскрашены какими-то знаками и символами, разобраться в которых не представлялось возможным.

Маша остановилась, чтобы разглядеть их получше и, быть может (если повезет) раскусить идею, которую автор пытался вложить в это сомнительное творение.

Мужской голос, прозвучавший над самым ухом, заставил Машу вздрогнуть.

- Нравится?

Она обернулась и увидела перед собой смазливую парня в цветастой рубашке и с двумя бокалами шампанского в руках.

- Трудно сказать, - ответила Мария. - А им не холодно?

- Кому?

- Этим ребятам.

- Вы про участников перформанса?[2 - Перформанс (англ.) – вид современного искусства. Короткое представление, исполненное одним или несколькими участниками перед публикой в художественной галерее, музее или на открытом воздухе.] - В синих глазах парня заискрились веселые искорки. - Искусство требует жертв, не так ли? Как вас зовут?

- Мария Александровна.

- Видите ли, Маша, искусство подобно древнему языческому богу, и оно требует жертвоприношений. Вот вы что-нибудь слышали про сербскую художницу Марину Абрамович?

- Нет.

Парень снисходительно улыбнулся.

- Во время одного из своих перформансов она облила пол бензином по кругу, легла внутрь и задохнулась бы парами, если бы один из зрителей не спас ее, решив, что смерть уж точно не прописана в сценарии. А во время другого перформанса она лежала на глыбе льда и вырезала на животе лезвием звезду.

- И все это ради искусства?

- А как же. Художник живет ради искусства. Вне искусства его существование теряет всякий смысл.

- Эта ваша Марина Абрамович – отважная женщина, – сказала Маша.

Лицо парня просияло.

- Не то слово! Однажды Марина прожила двенадцать дней в галерее, ничего не ела, зато спала, ходила в душ и туалет – все на глазах у зрителей.

- Звери в зоопарке делают то же самое, – заметила Маша. – Но никто не называет это «перформансом».

Парень поморщился.

- Слишком прямолинейная ассоциация. Кому-то и картины Кандинского – детская мазня. Поймите, люди любят играть в игры. Искусство – тоже своего рода игра.

Тут парень вспомнил наконец о шампанском, которое держал в руках, и протянул один бокал Маше.

- Знаете, – снова заговорил он, отпив из своего бокала, – еще совсем недавно я работал продавцом-буфетчиком в Большом театре. Так вот там, в Большом, узнаешь и понимаешь людям истинную цену. Даже очень богатым людям. И это не может не наполнять душу презрением к жизни.

- Что же такого вы познали, будучи буфетчиком?

- О, это смешно. – Парень снова просиял. – В Большом театре во время антрактов творится черт знает что. Олигархи давятся в очередях за «Вдовой Клико» и бутербродами с колбасой, а буфетчики швыряют им эту сухую колбасу, как собакам, чисто на московском приколе: «всё съедят».

– У каждого свой собственный способ почувствовать себя важным человеком, – сказала Маша.

– Вы считаете? – Голубев помолчал. – Вижу, вы надо мной иронизируете, – сказал он натужно-веселым голосом. – Что ж, я не обижаюсь. Кстати, у вас отличная фигурка. Не хотите поучаствовать в моем перформансе?

Маша снова посмотрела на голых людей, передернула острыми, худыми плечами и ответила:

– Нет, спасибо.

Парень приподнял брови:

– Мешает скромность?

– Скорее, чувствительность к сквознякам.

Он засмеялся.

– А вы остроумная! Кстати, кто вы такая?

Мария достала из кармана удостоверение, раскрыла его и показала парню.

– Любимова Мария Александровна. Уголовный розыск ГУВД Москвы.

– Хм... – Художник перевел взгляд с удостоверения на лицо Маши. – Значит, милиция. Никогда бы не подумал. И что вас сюда привело?

– Вы Андрей Голубев, так?

– Да. А в чем, собственно, дело?

– Я хочу задать вам пару вопросов и буду благодарна, если вы ответите на них откровенно и честно. В противном случае у вас могут возникнуть проблемы.

Художник вздохнул.

- И сразу угрозы, - саркастически произнес он. - Узнаю родную милицию. Валяйте, задавайте ваши вопросы.

- Когда вы в последний раз видели Ирину Романенко?

- Иру?.. Дайте вспомнить. - Он наморщил лоб, припоминая. - Дня три назад. Поздно вечером.

- При каких обстоятельствах вы встретились и когда и как расстались?

- Ну... я подхватил ее возле клуба «Гараж» и повез покататься по городу. Это было около одиннадцати часов вечера. Расстались мы часов в двенадцать, в районе Щелчка.

- Что значит «расстались»?

Голубев помрачнел.

- Ира сказала, что я ей надоел и что она хочет пройтись до метро пешком. - Он пожал плечами: - Я не стал возражать.

- То есть вы высадили девушку из машины на ночной улице? Одну? А потом просто уехали?

- Она сама этого захотела.

- Сама. Понятно. Чем же вы так насолили девушке, что она решила сбежать от вас во тьму и холод улицы?

Впервые за время разговора Голубев посмотрел на Машу неприязненно.

- Не понимаю, почему это вас должно волновать, - произнес он с легким раздражением. - И, кстати, для чего все эти вопросы? С Ирой что-то случилось? У нее неприятности?

– Неприятности – не то слово, – сказала Маша, внимательно наблюдая за лицом парня. – Ирина Романенко убита.

– Ка... Как убита?

Голубев слегка побледнел. Изумление, которое отобразилось на его лице, выглядело вполне естественно.

– Вас интересуют детали? – спросила Маша.

– Нет, но... Погодите... – Он поморщился и потер пальцами висок. А затем сдавленно проговорил: – У меня просто в голове не укладывается. Вы хотите сказать, что Ира умерла?

– Те, кого убивают, обычно умирают.

– Да, вы правы. Но... почему вы пришли ко мне?

– А разве это не очевидно? Я думаю, вы последний, кто видел Иру Романенко живой. Кроме убийцы, разумеется.

При этих словах Голубев побледнел еще больше. Несколько секунд он молчал – по всей видимости, собираясь с духом, а затем спросил:

– Как ее убили?

– Задушили, – спокойно ответила Маша, продолжая внимательно изучать лицо художника. – А перед этим мучили. Долго, почти двое суток. Зашили ей рот грубой ниткой, вырезали кость.

– Вот ведь как бывает, – хрипло пробормотал Голубев.

Он быстро поднес бокал к губам, запрокинул голову и залпом осушил его.

– Возможно, убийца похитил Ирину сразу после того, как вы с ней расстались, – сказала Маша.

Голубев вытер мокрые губы рукавом свитера и посмотрел на Любимову хмурым взглядом.

– Кажется, я понимаю, к чему вы клоните. Вы меня подозреваете, верно?

– Я не исключаю любой возможности, – тем же спокойным голосом произнесла Мария. – В том числе и этой.

– Но зачем мне было ее убивать?

– Мало ли. – Она пожала плечами. – Причины бывают разные, в том числе самые дикие. Например, можно убить ради искусства. Перформансом может стать все, что угодно, правда? Зверское убийство любовницы – тоже неплохой вариант.

На этот раз Голубев побагровел.

– Да мы с ней даже не были любовниками! – выпалил он вдруг так, что голые парни и девушки, стоявшие вдоль стены, вздрогнули и повернули головы в его сторону.

– Продолжайте, – сухо произнесла Маша.

Голубев смутился.

– Все пять дней нашего знакомства она корчила из себя недотрогу, – сдавленно проговорил он. – Сначала я думал, что у нее месячные и что она просто не хочет в этом признаваться. Но когда я сказал ей об этом, она рассмеялась.

– И в чем же была причина отказа?

Глаза художника мрачно блеснули.

– Иногда среди женщин попадаются настоящие стервы, – угрюмо сказал он. – Они испытывают огромное удовольствие от того, что мучают мужчину. Доводят его до белого каления, а потом бросают.

- В тот вечер вы снова попытались добиться от нее взаимности?

- Да. - Голубев поднес было бокал к губам, но передумал. Взглянул на Машу глазами побитой собаки и сказал: - Понимаете, меня больше всего раздражало не то, что она не хочет заниматься со мной сексом, а то, что она не объясняет мне причину.

Мария устало отвела взгляд от художника. Теперь она была почти уверена, что убийца не он.

- Вы можете указать место, где вы расстались с Ириной? - спросила она уже более мягким голосом.

- Пожалуй, да. Там рядом был магазин. Большой круглосуточный универсам.

- Сможете показать это место на карте?

- Думаю, да.

Мария достала смартфон и выщелкнула на мониторе интерактивную карту Москвы. Нашла нужный район и повернула айфон монитором к Андрею.

- Показывайте.

Парень склонился над смартфоном, несколько секунд соображал, а потом ткнул пальцем в монитор:

- Вот здесь.

Мария увеличила карту.

- Еще точнее, - попросила она.

- Вот тут, перед универмагом.

- Это точно?

– Да. Я хорошо запомнил это место.

Маша выключила смартфон и убрала его в сумку. На лице ее появилось слегка озадаченное выражение. Выходило, убийца привез Ирину Романенко на то место, где похитил ее. Над этим стоило подумать.

– С кем Ирина была в клубе в тот вечер? – спросила Маша, вновь взглянув на Голубева.

Тот пожал печами:

– Понятия не имею. Я позвонил – она сказала, чтобы я ждал возле клуба. Я подъехал, она вышла. Вот, собственно, и все.

– Хорошо. – Мария вздохнула. – У меня к вам личная просьба, Андрей, – не покидайте Москву без особой нужды. А если решите куда-то ехать – предварительно известите меня об этом.

Маша достала из сумочки визитную карточку и всучила ее парню. Тот взял визитку, хмуро на нее посмотрел, перевел взгляд на Любимову и спросил с ироничным холодком в голосе:

– Значит, я теперь официальный подозреваемый?

Маша покачала головой:

– Нет. Но нам могут понадобиться ваши показания.

– Ладно, – смиренно выдохнул Голубев. – Я все равно никуда не собирался уезжать. Буду работать над новым перформансом.

Глава 3

Профессия журналиста хороша тем, что помогает приобретать не только проблемы (Глеб испытывал это на собственной шкуре практически каждый день), но и полезные знакомства в самых разных сферах жизни.

Биолог, кандидат наук и ведущий сотрудник лаборатории Осип Бриль посмотрел на вошедшего Глеба поверх очков, улыбнулся и воскликнул:

– Кого я вижу! Глеб Корсак собственной персоной! Голова цела, зубы вроде тоже все на месте. Только чуть прихрамывает, но это, надеюсь, поправимо. Ну, здравствуй, панславист!

– Привет и тебе, сионский мудрец!

Бриль встал из-за стола, и приятели пожали друг другу руки.

– Как поживаешь, борзописец?

– Жив пока. Я к тебе по делу.

– Само собой. – Бриль поправил пальцем очки, сдвинув их на переносицу, посмотрел на пакет, который Глеб уже достал из сумки, и поинтересовался: – О, да ты с дарами! Что ты мне принес?

Глеб брякнул сверток на стол и ответил:

– Кость.

Бриль усмехнулся:

– Мозговая, для борща? Беру не глядя!

– Сначала расскажи мне про эту кость все, что думаешь, а потом делай с ней, что хочешь – хоть вари, хоть так грызи.

– Грубый ты человек, Корсак. Впрочем, как все русские. Что ж, посмотрим, что ты мне приволок.

Бриль сунул руку в пакет, достал из него обломок кости и поднес его к лицу.

– Се, – прочел он. Поднял взгляд на Корсака и уточнил: – Где ты взял эту гадость, Глеб?

– Купил на распродаже.

– Что ж, это вполне в твоем духе. Ну а если серьезно?

– Подарок от неизвестного поклонника. Нашел в своем почтовом ящике.

– О! – усмехнулся биолог. – Тебе хоть кости дарят, мне совсем ничего. И что же ты хочешь узнать про эту вещицу?

– Мне надо знать, какому животному принадлежит... то есть принадлежала эта кость. Ну а в благодарность...

Глеб достал из своей неизменной холщовой сумки бутылку коньяка. Бриль поморщился:

– Глеб, ты что? Оставь это!

– Не хочешь – как хочешь.

Корсак сделал вид, что убирает бутылку, но Бриль взял его за запястье и удержал.

– Глеб, когда я говорю «оставь», это значит – оставь, – назидательно произнес он. – То есть оставь в этом кабинете. Кстати, не хочешь пропустить по стаканчику?

– Я спешу, – сказал Глеб.

Бриль хмыкнул:

- Как всегда. Ладно. Позвони мне часа через три. К тому времени я буду знать о твоём подарке все или почти все.

- Спасибо, дружище, я знал, что могу на тебя положиться.

- Э-э... Глеб, одну минуточку. - Биолог явно смутился. Кашлянул в кулак и негромко проговорил: - Мне неудобно к тебе обращаться, но... ты не мог бы мне одолжить немного денег? Я тут намерен сильно проиграться в «Красном доме».

Глеб открыл от удивления рот.

- Ты играл?

Бриль отвел глаза и ответил:

- Да.

- Я же предупреждал тебя, чтобы ты туда не совался!

- Да, но сам-то ты играешь. И выигрываешь. Вот я и решил: почему бы мне тоже не попробовать.

Несколько секунд Корсак в упор смотрел на друга, не в силах поверить в то, что услышал, а затем разомкнул губы и сухо произнес:

- Бриль, ты кретин.

Биолог вздохнул:

- Знаю. Но в этом случае мы с тобой оба кретины. И ты даже больший кретин, потому что рассказал мне про свои выигрыши. Неужели ты думал, что озвученные суммы не возбуждают во мне азарта?

Корсак молчал. Тогда Бриль заговорил снова:

- Так ты одолжишь мне денег?

- Сколько?

- Пять тысяч долларов.

Глеб помрачнел еще больше. В голове его замелькали нули, длинной цепочкой пристроившиеся к единице.

- Вернуть сможешь? - хрипло спросил он у Бриля.

- Обижаешь.

- И когда?

- Не раньше чем через полтора месяца.

- Ладно... Но тебе придется проводить меня до банкомата.

- Я с удовольствием это сделаю, дружище.

- И пообещать мне, что больше не будешь играть.

- Вот с этим проблемы.

- Бриль!

- Хорошо, хорошо. - Биолог примирительно поднял ладони. - Смирненно принимаю все твои условия, Глеб. Клянусь - больше рука моя не коснется игрального стола. Если хочешь, составим договор, и я подпишу его кровью.

- При условии, что я сам тебе ее пущу.

- Договорились.

* * *

Никто не умеет как следует делать горячие бутерброды. А ведь это тонкий процесс, в котором важна очередность. Берем белый хлеб. На него выкладываем колечки лука и кружки помидора. Поливаем сверху майонезом, тонким слоем, чтобы сохранить идеальную форму, после чего кладем пару ломтиков ветчины, толщина которых не должна превышать пяти миллиметров. Пять миллиметров – это идеал, но без сноровки и должного опыта этот идеал малодостижим. Довершаем дело двумя аккуратными кусочками сыра.

После того как бутерброд сооружен, кладем его в микроволновую печь и включаем подогрев. Греть нужно секунд тридцать-сорок, в общем, пока сыр не растает.

Все, идеальный бутерброд готов!

Достав из микроволновки тарелку с бутербродом, Глеб занялся приготовлением напитка. Плеснул в широкий стакан немного водки, добавил тоника и выжал сок из половинки лимона. Затем бросил в коктейль несколько кусков льда.

Сделав все это, Корсак поднял стакан, посмотрел сквозь него на лампу и проговорил:

– Когда-нибудь, когда я брошу пить, я буду скучать не по водке, и не по вину, и даже не по пиву. Я буду скучать по тебе, мой холодный, пролимоненный друг.

Он поднес стакан к губам, и тут из прихожей донесся перезвон мобильного телефона. «Nikkfurie». Танец Черного Лиса из «Тринадцати друзей Оушена». Отличная тема для рингтона; впрочем, Глебу она уже успела надоест, а в этот момент он и вовсе был не рад ее услышать.

Глеб с ненавистью посмотрел в сторону прихожей. перевел взгляд на стакан с водкой-тоником и лежавший на тарелке горячий бутерброд.

Все-таки у жизни скверное чувство юмора.

Пришлось отложить удовольствие на несколько минут и дотащить до прихожей. Взглянув на экран телефона, Глеб увидел имя собеседника. Звонил Бриль.

«Ну, сейчас завертится», – подумал Глеб и поднес трубку к уху.

– Слушаю тебя, моя радость.

– Глеб, ты что мне приволок?! – завопил в ответ Бриль.

– О чем ты?

– О кости, которую ты притащил! Она человеческая! Человеческая, Глеб! Причем еще совсем недавно она находилась в теле живого человека. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Успокойся, Бриль. Не гони волну.

– Успокоиться? Как я могу успокоиться? Это ж подсудное дело!

– Спокойнее, Бриль, спокойнее. Ты уверен в правильности своего заключения?

– Типун тебе на язык, Корсак! Не произноси при мне слово «заключение», от него пахнет цугундером!

Глеб вернулся на кухню и положил трубку на стол. Взял стакан, поднес его к губам и сделал пару глотков. Затем поставил стакан обратно и снова взял трубку.

Бриль все еще разорялся.

– ...Говорю тебе со всей ответственностью, Глеб, если ты еще раз притащишь ко мне что-нибудь подобное...

Корсак снова положил трубку на стол. Поднял стакан и допил коктейль.

Итак, какой-то ублюдок бросил ему в почтовый ящик фрагмент человеческой кости. Возможно, это просто дурная шутка какого-нибудь мстительного идиота. Достать человеческую кость можно в любом морге за бутылку водки. Видимо, так оно и произошло. Но можно ли считать этот «подарок» шуткой или следует отнести к нему как к предупреждению или угрозе?

Скорей всего, «подарок» ему прислала какая-нибудь сумасшедшая из его бывших. Глеб припомнил давний разговор за кружкой пива. Один из его друзей вещал:

– У нашего Корсака удивительный талант связываться с неадекватными женщинами! С красивыми и сумасшедшими! Ох, помяни мое слово, Глебушка, тяга к порочным и сумасшедшим дамам не доведет тебя до добра. Однажды ты проснешься и обнаружишь, что у тебя перерезано горло. И знаешь, чем оно будет перерезано? Пилкой для ногтей!

Последняя реплика вызвала смех сидящих за столом. Помнится, сам Глеб в ту минуту тоже улыбался. Но сейчас ему было не до смеха. Интуиция подсказывала, что история с костью будет иметь свое продолжение. И свой финал – скорей всего, не слишком радужный.

Глеб снова поднял трубку.

– Корсак, ты вообще меня слушаешь?

– Да, Ося. Конечно. Прости за то, что я тебя расстроил. И спасибо, что позвонил и все разъяснил.

– Не надо меня благодарить, Глеб. Знаешь... я, пожалуй, погорячился, наговорил тебе лишнего. Но ты должен меня понять.

– Я понимаю. Через час я буду у тебя. Заберу эту штуковину, и ты больше никогда о ней не услышишь.

Глеб отключил связь.

Пять минут спустя он был готов к выходу. Выглядел он так же, как всегда, доказывая всем своим обликом, что существуют люди, не желающие тратить время на выбор одежды, а потому покупающие во время каждого (впрочем, чрезвычайно редкого) похода в магазин по два одинаковых плаща, по две пары одинаковых пиджаков и туфель и признающие разнообразие только в расцветках рубашек.

Одевшись и закинув на плечо свою неизменную холщовую сумку, Корсак посмотрел на себя в зеркало. Лицо все еще выглядело немного помятым после недавней схватки с мордоротами из «Тойоты». И, пожалуй, он еще сильнее похудел за последние дни. Впрочем, взгляд был ясным и спокойным, а рот – ироничным и твердым. Галстук, как обычно, съехал набок, но, как обычно, Глеб не обратил на это внимания. Во всей его поджарой, подвижной фигуре было что-то небрежное, наплевательское – то самое, что безотказно отличало его, несмотря на дорогую одежду, от бесчисленной армии российских топ-менеджеров. А седая прядь в густых взлохмаченных волосах придавала его облику еще более романтический вид.

Выходя из подъезда, Глеб снова увидел белую собаку. На этот раз она была привязана к дереву и при виде Глеба вскочила на ноги и громко зарычала. Пока Корсак шел к своей издавшей вида «Мазде», псина медленно поворачивала голову, не сводя с него пристальных, внимательных, холодных глаз.

2

Вечером состоялась внеплановая оперативка у полковника Жука. Полковник уютно сидел в кресле, смотрел в окно и постукивал по столу своим неизменным красным карандашом.

Полковник Жук – рослый пожилой мужчина с седыми усами, младенчески-розовым лицом и в очках без оправы – выглядел душевным и мягким стариком, однако все, кто с ним работал, знали, каков он на самом деле. Стас Данилов шутил, что душевности в нем – как в топоре палача. Тридцать пять лет сыскной работы высосали из Жука все эмоции и чувства, оставив лишь улыбочато-вежливую «кожуру», которая намертво приросла к его лицу, навсегда придав ему выражение этакого участливого безразличия.

За глаза оперативники называли своего начальника просто Старик или же Ледяной Старик – за холодновато-вежливую улыбку, с которой он посылал своих подчиненных на опасные задания. Впрочем, втайне опера гордились его хладнокровием и с удовольствием пересказывали друг другу мифические истории из боевого прошлого полковника Жука.

Полковник начал с того, что описал в деталях свой разговор с Генпрокурором, который склонялся к тому, чтобы взять «дело Ирины Романенко» под свой жесткий контроль.

– Сами понимаете, преступление экстраординарное, – сказал полковник, по привычке строго глядя на Толю Волохова, который заметно (и тоже по привычке) нервничал под его пристальным взглядом.

– Андрей Сергеевич, я говорила с отцом Ирины Романенко, – вступила в разговор Маша Любимова. – Также я встретила с бойфрендом Ирины. Но ничего полезного они сообщить не смогли.

– Плохо, что не смогли, – вынес суровый вердикт полковник Жук.

– Быть может, судмедэксперт прольет какой-нибудь свет на эту ситуацию, – сказала Маша.

Все посмотрели на Лаврененкова.

– Семен Иванович, – обратился к нему полковник Жук, – что вы можете нам сообщить?

Лаврененков вздохнул и произнес грустным голосом пожилого меланхолика:

– Как и предполагалось с самого начала, смерть девушки наступила в результате удушения. Отпечатков пальцев нет – это значит, что убийца действовал в перчатках. Ни спермы, ни крови, ни эпителия убийцы мы на месте также не нашли. В руке жертвы была зажата прядь волос, эти волосы направлены на ДНК-экспертизу. Из физических следов насилия – ссадины на лице, следы от удушения на шее, искусанное запястье и послеоперационные шрамы на ноге.

– Интересно, – протянула Мария. И на грустный вопрос Лаврененкова, что же тут интересного, пояснила: – Сперма на месте преступления не обнаружена. Следовательно, убийца не испытывал сексуального влечения к жертве.

– Не уверен, что сексуальных мотивов не было, – сказал Толя Волохов. – Может, этот гад из тех, кто кайфует, глядя на то, как мучается жертва? Тогда ему вовсе не обязательно прикасаться к ней, а можно просто отойти на несколько шагов, расстегнуть ширинку и...

– Да, такое тоже возможно, – согласилась Маша. – Ему не обязательно оставлять семя на месте преступления. И все же мне кажется, что мы имеем дело не с сексуальным насилием и что мотивы у убийцы были совсем другие. Семен Иванович, что вы скажете про вырезанную кость?

– Большеберцовая кость у девушки была вырезана при жизни. После этого она прожила еще около двадцати часов. Убийца оперировал профессионально. Думаю, он вполне может быть хирургом или патологоанатомом.

– Или судмедэкспертом, – иронично заметил Стас.

Лаврененков одарил его уничижительным взглядом.

– А что насчет следов укуса на запястье? – спросила Маша.

– Кусала собака. Большая собака. Возможно, бойцовской породы.

Старик выслушивал своих подчиненных с обычной вежливой внимательностью. Лицо его было, как всегда, спокойным и доброжелательным, улыбка – вежливой и заинтересованной. Время от времени он переводил глаза с лица собеседника на красный карандаш, который вечно вертел в пальцах.

– Собака бойцовской породы... – повторил полковник Жук. – А конкретней?

На грустном лице Лаврененкова появилось легкое ироническое выражение.

– Андрей Сергеевич, если вы думаете, что я могу определить породу и масть собаки, а также ее кличку и место жительства, то вы сильно переоцениваете мои возможности. Что до остального, то есть один факт, который показался мне очень любопытным.

– Что за факт?

– Рот жертвы зашит плетеной лавсановой нитью с фторполимерным покрытием AP-87. Чаще всего эту нить используют патологоанатомы для зашивания рассеченных тканей.

На лицах присутствующих появилось выражение мрачного удивления.

– Но это еще не самое странное, – продолжил судмедэксперт, явно наслаждаясь реакцией коллег. – Самое странное, что нить, которой был зашит рот нашей жертвы, не новая.

– Как не новая?

– Да так. Ее уже когда-то использовали. По назначению.

Полковник Жук сдвинул брови.

– Семен Иванович, вы хотите сказать, что эту нить...

– Уже пускали в дело, – повторил судмедэксперт. – А потом вынули из зашитой плоти покойника и использовали снова.

– Ужас, – тихо проговорил молчавший до сих пор Стас Данилов. – Кто мог такое сделать? Какой-нибудь бывший патологоанатом?

– Почему обязательно бывший? Да и совсем не обязательно, что патологоанатом. Нить мог вынуть любой, кто имел доступ к телу. Вот только тело это мы, боюсь, найти не сможем.

– Когда, примерно, эту нить использовали в первый раз? – спросил Волохов.

- Думаю, не меньше года назад, - ответил Лаврененков.

- Чем дальше в лес, тем злее комары, - проворчал Волохов.

Полковник взглянул на Любимову.

- Мария Александровна, а вы что скажете?

Кроткие и любезные интонации голоса, выражение лица и глаз, которыми он прикрывал свое бессердечие, - все было на месте.

- Думаю, это не случайность, Андрей Сергеевич, - сказала Маша.

- Ясен перец, не случайность, - горячо проговорил Волохов. - Этот гад не только маньяк-убийца, но еще и некрофил.

- Думаю, делать такие выводы преждевременно.

- Тогда предложи другой вариант, раз такая умная.

- Возможно, мы столкнулись с ритуальным убийством. А если так, то каждая мелочь тут имеет символическое значение. Нить, которая была использована вторично, может служить символическим мостом между смертью одного человека и смертью другого. К тому же эта нить может иметь сакральный смысл. В глазах убийцы она как бы «освящена» смертью, поскольку прибыла к нам из загробного царства.

- Маш, по-моему, ты увлеклась, - сказал Волохов. - Мы тут говорим об убийстве девушки, а не обсуждаем суеверия наших предков.

Полковник Жук вздохнул, отвел взгляд от Марии и сказал:

- Да уж. Давайте-ка обсудим процедурные вопросы. Как вы уже знаете, следователем по этому делу назначен присутствующий здесь Юрий Михайлович Пожидаев...

Двадцать минут спустя, когда Мария шагала по коридору, потирая на ходу покалеченное плечо, Пожидаев нагнал ее и пошел рядом.

– Мария Александровна, – заговорил он недовольным голосом, – я еще раз хочу тебя попросить: не мудри.

– Что вы имеете в виду? – холодно уточнила Мария, не поворачивая в его сторону головы.

– Ты знаешь что. – Пожидаев сделал страдальческое лицо. – Маш, у меня на шее восемь дел. По двум из них я должен отчитаться через три дня. Работы – невпроворот. Поэтому прошу тебя: ищи простые решения и не усложняй.

– Мир сложен, – возразила Любимова. – Люди – сложны. Я привыкла строить свои версии исходя из этого правила. И для вас, как приверженца простых решений и методов, я не собираюсь делать исключение. Всего доброго, Юрий Михайлович.

Мария ускорила шаг. Следователь остановился, посмотрел ей в спину и тихо обронил:

– Ну и зря.

3

Стас Данилов взял чашку Марии, отхлебнул глоток и сморщился:

– Ну и гадость. Марусь, у тебя глаза от такого крепкого кофе не вылезают?

– Сам скажи, тебе со стороны виднее. – Маша забрала у него чашку.

– Переходи на зеленый чай, – посоветовал Стас. – Он прекрасно тонизирует и не портит цвет лица. И кофеина в нем мало.

- Помешался ты на своем зеленом чае, – проворчал Волохов. – Скоро у тебя от этих восточных дел разрез глаз изменится.

- Наш мир – всего лишь иллюзия, Толя, – философски изрек Данилов. – Когда-нибудь ты тоже это осознаешь.

- Вот интересно: если я тебя сейчас кулаком по лбу стукну – это тоже будет иллюзия?

- Не будь здесь дамы, я бы тебе ответил.

- Не будь здесь дамы, я бы тебе стукнул.

- Мальчики, я не дама, я мент, – возразила Маша, поднося к губам чашку. – А мент – всегда мент, какую форму на него ни натяни.

- Глубокомысленное изречение, – заметил Стас. – И что за мудрец тебе такое сказал?

- Один продавец бутербродов, который стал художником.

Данилов ухмыльнулся:

- Ну, продавцу бутербродов сам бог велел. Сколько труда и таланта надо вложить в то, чтобы украсить бутерброд. Намазать на него творожный сыр, выложить сверху мозаику из рубленой зелени. А потом еще разложить розочки из соленой семги.

- Точно, – подтвердил Волохов. – Шекспир отдыхает!

Данилов посмотрел на него насмешливым взглядом и сказал:

- Толя, Шекспир был поэтом, а не художником.

- Да ну? А поэт – это, по-твоему, кто?

– Кто?

Волохов задрал указательный палец и назидательно произнес:

– Художник слова – вот кто!

Мария глянула на циферблат наручных часов.

– Толя, опроси, пожалуйста, коллег Ирины Романенко по ее последнему месту работы.

Волохов посмотрел на нее серьезным взглядом и кивнул:

– Сделаю.

– И на прежней работе тоже.

– Это уже смахивает на безжалостную эксплуатацию. Пусть Стасик этим займется.

– Я не могу, – сказал Данилов. – У меня через два дня истекает срок предварительного следствия по делу о поджигателях автомобилей. Работы невпроворот.

Волохов вздохнул:

– Так я и думал, что отмажется. Буддисты все хитрые. Потому что они совесть вместе с реальностью отменили. Ладно, так и быть, съезжу. Надеюсь, вуз, в котором она училась, ты на меня не повесишь?

– Нет, этим я займусь сама.

У Стаса пискнул мобильник. Он взял трубку со стола, посмотрел на дисплей и вздохнул:

– Мне пора.

– Я тоже поеду, – сказал Толя Волохов. – Маш, ты с нами?

Любимова покачала головой:

– Нет, я выпью еще чашку.

– Как знаешь. Удачи, истребительница кофеина!

Распрощавшись с мужчинами и дождавшись, пока они выйдут из кофейни, Маша достала из сумочки мобильный телефон. Нашла номер дилера Макса и нажала на кнопку вызова.

Гудок... Второй... А затем:

– Добрый вечер, Мария Александровна!

– Здравствуй, Макс. Я сейчас в кафе «Асторикс». Это на Бульварном кольце. Мы можем встретиться здесь?

– Да. Я бывал в этом месте.

– Когда тебя ждать?

– Минут через двадцать – двадцать пять.

– Хорошо. Мой столик в нише, за стеной.

Маша убрала телефон в сумку. Затем подозвала официантку и заказала еще одну чашку кофе, а к ней – два эклера с шоколадной начинкой. Иногда вкусная еда помогала отвлечься от боли в плече. Маша надеялась, что это сработает и сейчас.

Поедая эклер и запивая его кофе, Мария размышляла о мужчинах, с которыми сводила ее судьба. Первый был самовлюбленным и хвастливым кретином, который, едва выпрыгнув из постели, тут же рассказал всему курсу про их связь. Со всеми красноречивыми подробностями. Мария тогда прилюдно вlepила

болтуну пощечину и с удовольствием наблюдала, как его физиономия сделалась малиновой, губы затряслись, а в глазах появились боль, страх и испуг вперемешку.

Второй парень Маши променял ее на студентку театрального института.

Третий изматывал ее своей ревностью, а сам, считая себя, по-видимому, настоящим мачо, непрерывно крутил романы на стороне. Четвертый был слишком влюбчив, трижды уходил от Маши, но все три раза возвращался к ней, становился на колени и вымаливал прощение. В четвертый раз привычный сценарий не сработал. Маше надоела эта комедия, и она положила ей конец.

А потом случился муж...

При мысли о муже Мария тяжело вздохнула. Затем доела последний кусочек пирожного и тут заметила высокую, крепкую фигуру дилера. Этот парень был настоящим красавчиком.

Подойдя к столику, дилер улыбнулся и сказал:

– А вы, я вижу, сладстена. Приятного аппетита, Мария Александровна!

Маша отодвинула от себя блюдце с шоколадными крошками. Макс, не дожидаясь приглашения, сел напротив, затем сунул руку в карман модной синей куртки, достал флакон, туго завернутый в плотную бумагу, и поставил его на стол перед Марией.

«Даже не посмотрел по сторонам, – подумала она. – Уверен в себе. Совсем не похож на других поставщиков. Настоящий король улиц».

Любимова хмыкнула.

– Ваш заказ, – сказал Макс, глядя на нее спокойными, ироничными глазами.

Мария, не отвечая, достала из сумочки конверт и протянула его дилеру. Тот взял, свернул конверт пополам и опустил в карман куртки.

Сделка была совершена, но дилер продолжал сидеть.

- Что-то еще? – спросила Мария.

- Хочу предложить вам новый товар – на основе оксикодона. Он гораздо сильнее, чем прежний, и стоит всего на двадцать процентов дороже.

- Меня это не интересует.

- Уверены? С каждым месяцем вы покупаете все больше. Стоит ли переплачивать?

- Вам лучше уйти, – сказала Мария.

Макс молчал, выжидательно глядя на нее своими спокойными, лукавыми глазами. Аккуратно выбритый, вкусно пахнущий, красиво причесанный шатен в модной, дорогой одежде.

- Вы уйдете или нет? – поинтересовалась Маша, начиная терять терпение.

- Я был бы не прочь выпить чашку кофе и что-нибудь съесть, – сказал дилер.

- Что ж, это ваше право. А мне пора.

Маша Любимова окликнула официанта и полезла в сумочку за бумажником, чтобы расплатиться по счету.

- А вы красивая женщина, – сказал вдруг Макс, с легкой полуулыбкой разглядывая Марию.

Она бросила на него быстрый, удивленный взгляд и снова перевела его на сумочку.

- Как вы стали полицейским? – спросил Макс.

- Много будешь знать – скоро состаришься.

Дилер усмехнулся.

- Ну, разумеется. Послушайте, Мария, а почему бы нам с вами, вместе...

Он наткнулся на ее взгляд и осекся. Пожал плечом:

- Ладно, проехали. Какой кофе вы посоветуете? Я не любитель этого напитка, но сейчас что-то захотелось.

Маша смерила парня долгим, пристальным взглядом.

Наглый, самоуверенный, спокойный. Никаких бегающих глазок, никакого жаргона. Пожалуй, слишком привлекательный и вежливый для распространителя «дури». Любимова с удивлением осознала, что почти восхищается этим человеком, как можно восхищаться хищником, который идеально приспособлен для выживания.

На этот раз дилер не смутился под ее взглядом. Мария чуть прищурила карие глаза.

- Сколько тебе лет? - спросила она.

- Двадцать четыре, - ответил парень.

- Почему ты этим занимаешься?

- Чем «этим»?

- Толкаешь «дурь».

Он улыбнулся:

- Это приносит немалый доход. Глупо отказываться от того, что само идет тебе в руки, правда?

- Когда-нибудь ты попадешься. Тебя возьмут за шиворот и бросят в тюремную камеру.

- Надеюсь, это будете не вы.

- Как знать.

Макс чуть склонил набок свою красивую, ухоженную голову и сказал:

- То, чем занимаетесь вы, ничуть не менее рискованно. К тому же рано или поздно всем нам придет конец. Стоит ли трястись заранее?

Маша продолжала внимательно разглядывать парня. И с каждой секундой он вызывал у нее все больше любопытства. Доктор Козинцев (врач, занимающийся ее психологической реабилитацией) был прав: у нее и впрямь слишком давно не было мужчины. С чисто физиологической точки зрения это, конечно, не катастрофа. Но что, если все ее беды и тревоги последних месяцев, весь страх, который тяжелой взвесью клубился в ее душе, - что, если все это обусловлено простым сексуальным голодом или, как остроумно выразился доктор, «телесною тоскою»?

У Маши всегда были высокие требования к мужчинам, но с точки зрения экстерьера и манер Макс был великолепным образцом. Красивый, высокий, уверенный в себе. Злым он тоже не казался. Ну да, молод, но ведь это хорошо. Зрелость, ум и опыт ценишь лишь в тех мужчинах, к которым испытываешь искренний интерес. Если хочешь найти мужчину для удовлетворения плотских потребностей, то такие, как Макс, - практически идеальный вариант.

- Почему вы на меня так смотрите? - поинтересовался дилер.

Маша насмешливо прищурилась:

- Да вот думаю - не съесть ли мне тебя?

- Лучше съесть, чем арестовать, - засмеялся Макс.

- У тебя есть свое жилье?

- Да.

- Поедем к тебе?

На лице дилера застыло удивление, но, к чести парня, он быстро соображал. Макс широко улыбнулся, блеснув безукоризненно белыми зубами, и произнес голосом, дающим понять, что он вошел в тему:

- Хорошо. Если вы не против, я расплачусь с официантом.

Мария не возражала.

* * *

- Нет! Я не хочу.

Маша оттолкнула его от себя, рывком села на кровати, накинула на себя одеяло и опустила ноги на пол. Потянулась за пачкой коричневых ароматизированных сигарет.

- Я что-то не так сделал? - спросил у нее за спиной Макс.

- Нет. Просто... это не для меня.

- Что не для тебя?

- Обращайся ко мне на «вы».

- Но это глупо.

- Возможно. Но иначе ты рискуешь потерять не только клиентку, но и свободу.

Она щелкнула зажигалкой, и на мгновение пламя отразилось в крошечных капельках пота, выступивших у нее на лбу.

Макс нахмурился.

– Я думал, мы подходим друг другу.

– Как выяснилось, нет.

– Но почему?

Она пожала плечами:

– Не знаю. Вероятно, потому, что я полицейский, а ты – преступник.

– В этом есть своя изюминка. Разве нет?

Он привстал на кровати и хотел поцеловать Марию в шею. Она отстранилась и сухо произнесла:

– Я сказала: нет.

Сделав несколько затяжек, Мария затушила сигарету в пепельнице. Потом потянулась за сумочкой, лежавшей на стуле, достала флакон с кодеином, вытряхнула таблетку и бросила ее в рот. Запила глотком вина, который остался у нее в бокале.

Дура... О чем она думала? Вообразила себе, что секс с молодым красавцем расцветит ее жизнь яркими красками. Вернет ей уверенность в себе. Ерунда! Пуститься во все тяжкие в тридцать четыре года... Это ж надо до такого додуматься!

Любимова покосилась на Макса, растянувшегося на кровати. Прекрасный мускулистый зверь, получивший от ворот поворот. Можно себе представить, как он сейчас злится.

– Будем считать, что ничего этого не было, – сказала Маша более мягким голосом. – Ты ни в чем не виноват. Все дело во мне.

– Мария, я думал...

– Не продолжай, – сказала Маша. – Я совершила глупость, приехав сюда. Очередную глупость в своей жизни.

Мария встала с кровати и принялась одеваться. Она чувствовала, что Макс смотрит на нее, и от этого взгляда ей было не по себе.

Когда она оделась, Макс протянул ей что-то:

– Держите!

Маша взглянула – это был флакон с таблетками.

– Зачем это? – спросила она.

– Подарок, – объяснил Макс. – Просто так. Все равно я собирался его вам отдать.

Мария внимательно посмотрела парню в глаза, потом пожала плечами и забрала флакон. Макс усмехнулся и качнул головой:

– Не думал, что вы возьмете.

– Глупо отказываться от того, что само идет тебе в руки, правда?

– Запомнили! Интересная вы девушка, Мария Александровна. Неординарная. Жаль, что у нас ничего не получилось.

– Ничего и не могло получиться. Надеюсь, я не сильно испоганила тебе этот вечер.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Deadline (англ.) – последняя граница, крайний срок, «линия смерти».

2

Перформанс (англ.) – вид современного искусства. Короткое представление, исполненное одним или несколькими участниками перед публикой в художественной галерее, музее или на открытом воздухе.

Купить: https://tellnovel.com/ru/granovskaya_evgeniya/ieroglif-smerti

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)